

Проект «Рози»

Автор:

Грэм Симсион

Проект «Рози»

Грэм Симсион

Проект «Рози» #1

В отношениях с женщинами Дон Тиллман – молодой успешный ученый-генетик – ни разу не продвинулся дальше первого свидания. Сочтя этот метод поиска своей «половинки» неэффективным, Дон решает применить научный подход. Его проект «Жена» начинается с подробнейшего 30-страничного вопросника, призванного отсеять всех неподходящих и выявить одну – идеальную. Она совершенно точно не будет курящей, непунктуальной, спортивной болельщицей... Но Рози Джармен курит, опаздывает, болеет за «Янкиз» и к тому же – о ужас! – работает в баре. А еще она красивая, умная, темпераментная и увлечена собственным проектом – ищет своего биологического отца. Когда Дон соглашается ей помочь, проект «Жена» уступает место проекту «Отец», а затем незаметно для него самого превращается в проект «Рози». В процессе работы над ним Дон узнает, что любовь невозможно ни вычислить, ни отыскать – даже «по науке»... Любовь сама находит тебя.

Грэм Симсион

Проект «Рози»

Роду и Линетт

Кажется, я нашел наконец решение проблемы «Жена». Как и бывает с научными открытиями, оно – если рассуждать впоследствии – может показаться очевидным. Однако я вряд ли смог бы найти его, если бы не череда непредвиденных событий.

Все началось с того, что Джин стал уговаривать меня прочесть лекцию о синдроме Аспергера[1 - Синдром Аспергера – легкая форма высокофункционального аутизма, при которой относительно сохраняется способность к социализации.]. Ту самую лекцию, которую должен был прочесть он. Крайне несвоевременная просьба. Допустим, подготовку к лекции еще можно было совместить с обедом. Но на тот вечер я уже запланировал уборку ванной комнаты общей продолжительностью девяносто четыре минуты. Соответственно мне надо было выбрать один из трех вариантов.

1. Сделать уборку в ванной после лекции – что неизбежно сократит время на сон и приведет к снижению умственной и физической активности.
2. Перенести уборку на следующий вторник – что чревато восьмидневным нарушением гигиены ванной комнаты и связанной с этим опасностью различных заболеваний.
3. Отказаться от лекции – и тем самым поставить под угрозу дружбу с Джином.

Ни один из этих вариантов меня не устраивал.

Все это я изложил Джину. Как всегда, у него нашлось альтернативное решение:

– Дон, а если я заплачу кому-нибудь, кто уберет твою ванную?

Я – в очередной раз – объяснил Джину, что все уборщицы допускают просчеты, и единственное возможное исключение из этого правила может составить лишь венгерская девушка в короткой юбке по имени Эва. Ранее она убиралась у Джина и уволилась из-за неких проблем, возникших из-за нее между Джином и Клодией.

– Я дам тебе ее мобильный телефон. Только ни слова обо мне.

– А если она спросит? Как объяснить, не упоминая тебя?

– Просто скажи, что обратился к ней, поскольку она лучше всех. Если она вдруг спросит обо мне, ничего не говори.

Отличный выход из положения и лишнее подтверждение способностей Джина улаживать бытовые проблемы. Эва была бы обрадована признанием ее профессионализма – и, возможно, согласилась бы постоянно работать у меня. Что сэкономило бы мне приблизительно триста шестнадцать минут в неделю.

Проблема с лекцией возникла из-за того, что Джину подвернулся шанс заняться сексом с профессоршей из Чили, которая приехала на конференцию в Мельбурн. У Джина есть цель: переспать с женщинами всех национальностей. Как профессора психологии его весьма интересует проблема сексуального влечения – которое, как представляется Джину, во многом предопределено на генетическом уровне.

Дело в том, что по первой специальности Джин – генетик. Через шестьдесят восемь дней после того, как он взял меня постдоком, Джину предложили возглавить кафедру психологии. В высшей степени противоречивое назначение, с помощью которого университет рассчитывал преуспеть в области эволюционной психологии.

Мы много и интересно спорили, пока работали вместе. Дискуссии продолжились и после того, как Джин пошел на повышение. Я удовлетворился бы и прежними отношениями, но Джин стал приглашать меня на ужины к себе домой и выказывал всяческое расположение, так что в итоге мы подружились. Его жена Клодия, которая занимается клинической психологией, тоже стала моим другом. Таким образом, у меня – двое друзей.

Одно время Джин и Клодия пытались помочь мне в решении проблемы «Жена». К сожалению, их подход строился на традиционной методике свиданий – той, от которой я давно отказался, поскольку вероятность успеха абсолютно не соответствует затраченным усилиям. Мне тридцать девять лет; я рослый, подтянутый и умный; на должности доцента имею относительно высокий статус и неплохой доход. Логично предположить, что я привлекателен для широкого круга женщин. В мире животных мне как самцу не было бы равных.

Однако во мне есть что-то, сдерживающее женщин. Я не слишком общителен и трудно схожусь с людьми; где-то здесь, видимо, и следует искать причину моих романтических неудач. Наилучший тому пример – Катастрофа с Абрикосовым Мороженым.

Однажды Клодия представила меня одной из своих многочисленных подруг. Элизабет – очень умная женщина, специалист в области теории вычислительных систем – носила очки, так как имела проблемы со зрением. Говорю об очках, потому что еще до знакомства Клодия показала мне фотографию и спросила, не имею ли я чего против них. Потрясающий вопрос, особенно от психолога. При оценке Элизабет как потенциальной спутницы жизни – с которой мне предстояло расти интеллектуально, проводить свободное время и, возможно, даже воспитывать общих детей – Клодию больше всего беспокоила моя реакция на очки! Те, которые она носит, скорее всего, не по своей прихоти, а по совету офтальмолога. И вот в таком мире мне приходится жить.

– У Элизабет очень твердые принципы, – сказала Клодия в конце. Как будто в этом тоже был какой-то подвох.

– А они научно обоснованны?

– Думаю, да, – ответила Клодия.

Отлично. Просто моя копия.

Мы встретились в тайском ресторане. Для социально неадаптированных личностей рестораны – это минное поле. Я нервничал, как всегда в подобных случаях. Тем не менее начало нашего свидания было превосходным: мы оба прибыли ровно в семь вечера, как и договаривались. Опоздания – непозволительная трата времени.

Мы благополучно пережили трапезу – без замечаний по поводу возможных просчетов с моей стороны. Трудно вести беседу, когда все время думаешь, на правильную ли часть тела обращен твой взгляд. Но в этот раз я сосредоточился на глазах за стеклами очков, как мне советовал Джин. Правда, это вызвало некоторую неряшливость в процессе потребления пищи, но моя визави, кажется, ничего не заметила. Даже наоборот: у нас состоялась в высшей степени продуктивная дискуссия об имитационных алгоритмах. Какая собеседница! Забрехала перспектива долгосрочных отношений.

Тут официант принес десертное меню.

– Я не люблю азиатские десерты, – сказала Элизабет.

Я почти уверен в том, что это было нездоровое обобщение, основанное на ограниченном опыте. Наверное, мне стоило распознать в нем тревожный знак. Но вместо этого я уцепился за возможность блеснуть изобретательностью:

– Мы можем съесть мороженое в кафе напротив.

– Отлично. Надеюсь, у них есть абрикосовое.

Решив, что пока все складывается удачно, я не увидел в данном предпочтении никакой угрозы. И ошибся. В кафе был огромный ассортимент мороженого, но вот абрикосовое – закончилось. Я заказал рожок для себя: шоколад и лакрица. После этого я попросил Элизабет обозначить свое следующее предпочтение.

– Если нет абрикосового, тогда я пас, – ответила она.

Я не поверил ушам. Все мороженое примерно одинаково на вкус, поскольку оно охлаждает вкусовые рецепторы. Особенно это относится к фруктовым ароматам. Я предложил ей манго.

– Нет, спасибо, все в порядке.

В некоторых подробностях я объяснил ей физиологию охлаждения вкусовых рецепторов. В частности, подчеркнул я, Элизабет не почувствовала бы никакой разницы, если бы я вместо абрикосового приобрел, допустим, манго и персик. В

конце концов, и тот, и другой в нашем случае может считаться эквивалентом абрикоса.

– Они совершенно разные, – возразила она. – Если ты не можешь отличить манго от персика, то это твоя проблема.

Возникло простейшее объективное разногласие, которое можно было легко разрешить экспериментальным путем. Я заказал по одному шарикку каждого вкуса – манго и персик. Через некоторое время продавец подал их мне, и я обернулся, чтобы попросить Элизабет закрыть глаза для чистоты эксперимента. Но ее уже и след простыл. И это называется ученый. С «научными обоснованиями»!

Уже потом Клодия отметила, что мне не стоило затевать этот эксперимент. Похоже на то. Но в какой момент я должен был остановиться? Когда был послан сигнал? Такие тонкости мне видеть не дано. Как не дано понять, почему для того, чтобы стать чьим-то мужем, мне необходима обостренная чувствительность к выбору того или иного вкуса мороженого. Было бы разумно предположить, что не все женщины так привередливы. Однако процесс их поисков до сих пор доказывал свою неэффективность. Катастрофа с Абрикосовым Мороженым стоила целого вечера моей жизни. И эта потеря уравнивалась разве что сведениями об имитационных алгоритмах.

* * *

Мне хватило двух обеденных перерывов, чтобы подготовиться к лекции о синдроме Аспергера. Благодаря вай-фаю в кафе при медицинской библиотеке жертвовать собственным обедом не пришлось. Об аутистической психопатии я знал не много, поскольку она выходила за рамки моей специализации. Но тема меня захватила. Я решил сосредоточиться на генетических аспектах синдрома, посчитав, что моя аудитория с ними еще не знакома. Большинство болезней предопределено нашей ДНК, хотя во многих случаях это еще только предстоит доказать. Например, моя научная работа связана с генетической предрасположенностью к циррозу печени. Поэтому на работе я в основном спаиваю мышей.

Разумеется, симптомы синдрома Аспергера подробно описаны в различных книгах и статьях. Изучив их, я предположил, что к большинству этих симптомов

надо относиться как к простым отклонениям в мозговой деятельности человека. Но этими отклонениями совершенно неоправданно занимается медицина – лишь потому, что они не вписываются в социальные нормы. Придуманные социальные нормы, отражающие наиболее распространенные модели человеческого поведения, а не весь его спектр.

Лекция была назначена на семь вечера в одной из пригородных школ. Я прикинул, что доберусь туда на велосипеде за двадцать минут, – и еще три минуты заложил на то, чтобы включить компьютер и соединить его с проектором.

Я прибыл по расписанию, ровно в восемнадцать пятьдесят семь, двадцатью семью минутами ранее впустив в свою квартиру Эву, уборщицу в мини-юбке. У входа в аудиторию околачивалось человек двадцать пять. Я сразу же узнал Джулию – организатора лекции, которую Джин описал как «блондинку с большими сиськами». На самом деле диаметр ее груди лишь раза в полтора превышал норму, обусловленную пропорциями фигуры; так что размер как таковой едва ли можно было счесть определяющим признаком. В отличие от высоты и открытости груди, заданной выбором костюма – отлично подходившего для жаркого январского вечера.

Наверное, я чересчур долго проводил ее опознание, поскольку она как-то странно посмотрела на меня.

– Вы, должно быть, Джулия, – сказал я.

– Чем могу помочь?

Отлично. Уважаю деловой подход.

– Пожалуйста, помогите мне найти видеокабель под разъем VGA.

– А, вы, видимо, профессор Тиллман, – воскликнула она. – Я так рада, что вы смогли прийти.

Она протянула мне руку, но я отвел ее:

– Найдите видеокабель, пожалуйста. Уже восемнадцать часов пятьдесят восемь минут.

– Не беспокойтесь, – сказала она. – Мы никогда не начинаем раньше четверти восьмого. Может быть, чашечку кофе?

Почему люди совсем не ценят чужое время? Передо мной со всей неизбежностью вставала перспектива разговора ни о чем. Я мог бы провести эти пятнадцать минут дома, практикуясь в айкидо.

Я сосредоточил все свое внимание на Джулии и проекционном экране в аудитории. Но потом я огляделся по сторонам и обнаружил, что помимо нас в классе за партами сидят еще девятнадцать человек. Это были дети, преимущественно мальчики. Видимо, жертвы синдрома Аспергера. Практически вся литература по этой теме посвящена детям.

Несмотря на недуг, они проводили время с пользой, в отличие от своих родителей, которые увлеклись праздными разговорами. Дети (возраст – от восьми до тринадцати лет, прикинул я) уткнулись в портативные компьютерные устройства. Я надеялся, что они так же усидчивы и на уроках, поскольку мой материал предполагал знание азотов органической химии и структуры ДНК.

Тут до меня дошло, что я оставил без ответа вопрос о чашечке кофе:

– Нет.

К сожалению, из-за моей задержки в ответе Джулия уже забыла свой вопрос.

– Кофе – не нужно, – объяснил я. – Я никогда не пью кофе после пятнадцати часов сорока восьми минут. Это мешает здоровому сну. Кофеин имеет период полураспада от трех до четырех часов, так что это безответственно – предлагать кофе после семи вечера, если только люди не планируют бодрствовать до полуночи. Что в свою очередь не позволяет им должным образом выспаться, если предстоит обычный рабочий день.

Я пытался с пользой провести время ожидания, предлагая нечто полезное. Но Джулия, судя по всему, была настроена на разговор о пустяках.

– С Джином все в порядке? – спросила она. Очевидно, это была вариация на тему наиболее известного типа взаимодействия – а именно «как поживаете?»

– У него все хорошо, спасибо, – ответил я, соблюдая принятую форму ответа.

– А я подумала, что он заболел.

– У Джина отменное здоровье, если не считать шести килограммов лишнего веса. Мы вместе бегали сегодня утром. Вечером у него встреча, и если бы он был болен, то не смог бы выйти из дома.

Судя по всему, Джулию разочаровали мои пояснения. Позже, прокручивая в голове этот разговор, я подумал, что Джин скорее всего скрыл от нее истинную причину своего отсутствия. Наверное, не хотел, чтобы у Джулии сложилось впечатление, будто лекция не важна для него, и потому Джин с чистой совестью прислал куда менее значимую замену. Анализировать столь щекотливые положения, замешанные на обмане, предвидеть чужие реакции – а потом еще и сочинять собственную ложь, когда от тебя ждут ответа на тот или иной вопрос, – все это очень сложно для меня. Но почему-то все вокруг уверены, что эти задачи – из разряда «раз плюнуть».

Наконец я подключил свой компьютер, и мы начали – с опозданием на восемнадцать минут. Мне было необходимо повысить скорость подачи материала на сорок три процента, чтобы уложиться по расписанию к двадцати ноль ноль. Но это было заведомо недостижимо. Все шло к тому, что мой график на остаток вечера полетит в тартарары.

2

«Генетические предикторы расстройств аутистического спектра» – так я назвал свою лекцию, подобрав в качестве наглядного материала великолепные диаграммы структуры ДНК. Я проговорил всего девять минут – чуть ускорив темп, чтобы наверстать упущенное время, – когда меня перебила Джулия:

– Профессор Тиллман, большинство присутствующих – не ученые. Так что, если можно, не углубляйтесь в технические подробности.

Ничто так не раздражает, как вот это. Люди могут часами обсуждать вымышленные характеристики рожденных под знаками Близнецов или Тельца. Или по пять дней подряд смотреть одну и ту же игру в крикет. Но при этом у них нет ни времени, ни желания изучить основы того, из чего они сами – как человеческие особи – построены.

Я продолжил лекцию в прежнем режиме. Что-либо менять на ходу было поздно. К тому же наверняка кто-то из слушателей был сколько-нибудь сведущ в предмете, чтобы понять, о чем идет речь.

Я не ошибся. Вот поднялась рука – мальчика лет двенадцати:

– Вы говорите, что влияние лишь одного генетического маркера маловероятно. Что в процессе участвуют несколько генов и совокупный результат зависит от их сочетания. Так?

– Да, это так, и еще отметим факторы окружающей среды. Ситуация аналогична биполярному расстройству, которое...

Снова вмешалась Джулия:

– Итак, для нас, не гениев, профессор Тиллман разъясняет, что с синдромом Аспергера рождаются. Ничьей вины в этом нет.

Я пришел в ужас от слова «вина» с его негативными коннотациями – тем более что оно прозвучало из уст человека, наделенного властью над большинством присутствующих. Я не хотел отклоняться от вопросов генетики, но мне пришлось это сделать. Меня настолько зацепила эта реплика, что, кажется, я даже повысил голос:

– Вина? Аспергер – это не вина. Это разновидность. И, возможно, серьезное преимущество. Синдром Аспергера ассоциируется с организованностью, сосредоточенностью, инновационным мышлением и рациональным расчетом.

В дальнем ряду подняла руку женщина. К тому времени я уже был в запале и поэтому допустил небольшой просчет – тут же, впрочем, исправленный:

– Пожалуйста, толстая... полная женщина в конце зала.

Она сделала паузу, огляделась по сторонам, но тут же освоилась и задала вопрос:

– Рациональный расчет – это эвфемизм для «отсутствия эмоций»?

– Синоним, – ответил я. – Эмоции ведут к большим неприятностям.

Я решил, что пример эмоционального поведения, которое приводит к катастрофическим последствиям, никому не повредит.

– Представьте себе, – начал я. – Вы прячетесь в подвале. Враг разыскивает вас и ваших друзей. Все должны замереть и молчать, но ваш ребенок плачет.

Для пущей убедительности – так обычно поступает Джин – я наглядно изобразил это:

– Уа-уа.

Затем выдержал паузу.

– У вас есть пистолет.

Взметнулись десятки рук. Джулия вскочила с места, а я тем временем продолжал:

– С глушителем. Враг подбирается ближе. Вас всех хотят убить. Что вы будете делать? Ребенок кричит...

Детям не терпелось поделиться со мной своими соображениями. Кто-то крикнул: «Убить ребенка!» – и все тут же подхватили: «Убить ребенка, убить ребенка».

Мальчик, который задавал вопрос по генетике, призвал «убить врага», «Устроить засаду» – вторил ему другой голос.

Предложения сыпались одно за другим:

– Использовать ребенка как приманку.

– А сколько у нас стволов?

– Заткнуть ему рот.

– Сколько времени младенец протянет без воздуха?

Как я и ожидал, все идеи исходили от «страдающих» синдромом Аспергера. Родители не внесли ни одного конструктивного предложения; некоторые даже пытались подавить творческий порыв своих чад.

Я поднял обе руки:

– Время вышло. Отлично. Все рациональные решения исходили от «аспи»[2 - Страдающий синдромом Аспергера (сокр.)]. Остальным же помешали эмоции.

Кто-то из мальчишек выкрикнул: «Аспи рулят!» Мне уже встречался этот лозунг в литературе, но для детей он, похоже, был нове – и, кажется, пришелся им по душе. Потому что вскоре они стояли на стульях, потом на партах, сотрясали кулаками воздух и скандировали: «Аспи рулят!» Насколько я понял из медицинских учебников, на публике детям с синдромом Аспергера зачастую не хватает уверенности в себе. Их нынешний успех мог бы стать неплохим лечением от этого, если бы в очередной раз не помешали родители. Они начали кричать на детей и даже пытались стаскивать их с парт. Очевидно, их больше интересовали нормы поведения, а не шаг вперед, сделанный их детьми.

Я чувствовал, что весьма доходчиво донес свою мысль, и Джулия решила, что нет необходимости продолжать разговор о генетике. Родители явно задумались о том, чему научились их дети. Они покинули класс, не спрашивая меня ни о чем. Девятнадцать часов сорок три минуты. Превосходно.

Я упаковывал свой лэптоп, когда Джулия вдруг приснула от смеха.

- О боже, - сказала она. - Мне надо выпить.

Я так и не понял, почему она решила поделиться этой информацией с человеком, которого знала всего сорок шесть минут. Сам я тоже планировал употребить немного алкоголя по возвращении домой, но не видел причин ставить об этом в известность Джулию.

Между тем она продолжала:

- Знаете, мы никогда не употребляем это слово - «аспи». Мы не хотим, чтобы они думали, будто это какой-то клуб.

Очередной выпад со стороны ответственного лица - которому, должно быть, еще и платили за помощь и моральную поддержку.

- Как гомосексуализм? - предположил я.

- Точно! - воскликнула Джулия. - Но тут другое. Если они не изменятся, у них никогда не будет настоящих отношений. Я имею в виду - партнеров.

Это был здравый аргумент. Здравый и понятный мне, с моими собственными трудностями в этом вопросе. Внезапно Джулия сменила тему:

- Но вы говорите, что в каких-то полезных делах аспи оказываются успешнее, чем, так сказать, не-аспи. Ну, помимо убийства детей.

- Конечно. - Я сдержал свое недоумение от того, что человек, занятый обучением людей с отклонениями в психике, не до конца понимает и совсем не ценит преимущества этих отклонений. - Скажем, в Дании есть компания, которая нанимает аспи для проверки компьютерных программ.

- Я этого не знала, - ответила Джулия. - Вы действительно на многое открыли мне глаза.

Она задержала на мне взгляд.

- У вас есть время посидеть где-нибудь?

Джулия положила руку мне на плечо.

Я инстинктивно поморщился. Вот уж поистине неуместный контакт! Если бы я поступил так с женщиной, то наверняка возникла бы проблема - не исключено, что в виде жалобы декану. С обвинением в сексуальном домогательстве и неприятными последствиями для моей карьеры. Но, разумеется, ее никто бы не осудил за столь фривольный жест.

- К сожалению, у меня на сегодня запланированы другие мероприятия.

- Их нельзя перенести?

- Точно нет.

Я не собирался снова ввергать свою жизнь в хаос, так удачно наверстав упущенное время.

* * *

До того как я познакомился с Джином и Клодией, у меня было еще двое друзей. Моя старшая сестра - первый из них. Она преподавала математику, но интереса к научному развитию у нее не наблюдалось. При этом она жила по соседству и навещала меня дважды в неделю, а иногда и вовсе просто так. Мы вместе ели и болтали о разных пустяках - например, о событиях в жизни наших родственников и об отношениях с коллегами. Раз в месяц мы ездили в Шеппартон на воскресный ужин с родителями и братом. Она была одинокой - возможно, из-за стеснительности и непривлекательной по обычным меркам внешности. Моей сестры из-за вопиющей, непростительной некомпетентности врачей уже нет в живых.

Вторым моим другом была Дафна. Наше общение немного захватило тот период, когда в моей жизни появились Джин с Клодией. Дафна поселилась в квартире надо мной после того, как ее муж, страдающий слабоумием, переехал в клинику. Дафна не могла сделать и нескольких шагов: проблемы с коленями,

осложненные ожирением. Но она была очень умна, и я стал навещать ее. Ни ученых степеней, ни профессии – всю жизнь она провела как обычная домохозяйка. Бездарная трата себя – тем более что ее повзрослевшие отпрыски никак о ней не заботились. Ей было интересно то, чем я занимаюсь, – и мы запустили проект «Обучение Дафны генетике», очень увлекательный для нас обоих.

Дафна стала регулярно ужинать у меня: готовить одно блюдо на двоих намного экономнее, чем по отдельному блюду на каждого. По воскресеньям, ровно в пятнадцать ноль-ноль, мы навещали ее мужа в клинике, которая находилась на расстоянии семи километров трехсот метров от нашего дома. Эту прогулку – протяженностью четырнадцать километров шестьсот метров – я совмещал с толканием инвалидной коляски и интересными беседами о генетике. А пока она общалась с мужем, я читал. Уровень его интеллекта трудно оценить, но то, что он был низким, сомнений не вызывало.

Дафну назвали в честь растения, которое зацветает в день ее рождения, двадцать восьмого августа. Каждый год в этот день муж дарил ей цветущие веточки дафны[3 - Дафна, она же волчегонник, – кустарник, растение семейства волчниковых. Латинское наименование – *Daphne*.], и она находила это в высшей степени романтичным. Дафна жаловалась мне, что приближающийся день рождения будет первым за пятьдесят шесть лет, когда этот символический ритуал не состоится. Решение напрашивалось само собой, и за ужином в моей квартире – ужином по случаю ее семьдесят восьмого дня рождения – Дафна получила от меня букетик из веточек дафны. Она с порога узнала этот запах и расплакалась. Я подумал, что, должно быть, допустил страшную ошибку, но она объяснила, что плачет от радости. На нее произвел впечатление и мой шоколадный торт, но уже не до такой степени.

За ужином она вдруг заявила:

– Дон, из тебя получится замечательный муж.

Это настолько противоречило моему опыту общения с женщинами, что я на мгновение лишился дара речи. Придя в себя, я изложил ей сухие факты – историю своих попыток найти спутницу жизни. Начиная с детской веры в то, что я женюсь, когда вырасту, и заканчивая полным отказом от этой идеи – ибо доказательств моей непригодности к браку накопилось достаточно.

Довод Дафны прост: у каждого есть своя половинка. С точки зрения статистики это почти бесспорно. К сожалению, вероятность того, что я найду свою, была ничтожно мала. Тем не менее эта мысль беспокоила ум – как математическая задача, у которой обязательно есть решение.

В следующие два дня рождения Дафны мы повторили цветочный ритуал. Эффект оказался не таким сильным, как в первый раз, но я укрепил его дополнительными подарками, книгами по генетике, – и Дафна пришла в восторг. Она сказала, что для нее день рождения – самый любимый день в году. Всегда полагая, что такая логика скорее присуща детям – из-за подарков, конечно, – я удивился тому, что и взрослым она не чужда.

Через девяносто три дня после третьего ужина по случаю дня рождения мы отправились привычным маршрутом в клинику – обсуждая по дороге статью о генетике, которую Дафна читала накануне. Вдруг оказалось, что она не может вспомнить некоторые очень важные моменты. За последние недели ее не раз подводила память. Я сразу же организовал обследование. Диагноз – болезнь Альцгеймера.

Интеллектуальные способности Дафны истощались с пугающей скоростью. Вскоре мы уже не могли вести привычные разговоры о генетике, но совместные ужины и прогулки в приют продолжались. Теперь Дафна говорила в основном о прошлом, о муже и семье, так что я мог составить общее представление о том, какой бывает супружеская жизнь. Она по-прежнему настаивала на том, чтобы я нашел себе достойную женщину и познал семейное счастье – то, которое было у нее. Дополнительные исследования подкрепляли доводы Дафны доказательствами: женатые мужчины счастливее холостяков и живут дольше.

Однажды Дафна спросила: «Когда у меня снова будет день рождения?» Я понял, что она перестала ориентироваться во времени. Решив, что в данном случае ложь – во спасение, я озаботился организацией праздника. Правда, я не знал, как достать цветущую дафну не в сезон, но мне неожиданно повезло. Я обратился к одному коллеге-генетику, который работал над коммерческим проектом по изменению сроков цветения. Коллега снабдил мою цветочницу несколькими ветками дафны, так что мы изобразили праздничный ужин. Я проворачивал эту операцию каждый раз, когда Дафна спрашивала о своем дне рождения.

И все-таки час, когда Дафна была вынуждена присоединиться к своему мужу в клинике, настал. По мере того как ее память угасала, мы праздновали дни рождения все чаще. Закончилось это тем, что я стал навещать ее ежедневно. В цветочной лавке мне вручили карту постоянного покупателя. Я подсчитал – по количеству отмеченных дней рождения, – что Дафне стукнуло двести семь лет к тому моменту, как она перестала узнавать меня, и триста девятнадцать, когда она уже не реагировала на цветы; после чего я и прекратил свои визиты.

* * *

Я не рассчитывал на продолжение знакомства с Джулией. И ошибся в своих прогнозах – как всегда, когда речь идет о людях и их поступках. Через два дня после моей лекции в пятнадцать часов тридцать семь минут высветился незнакомый номер; эсэмэс от Джулии с просьбой перезвонить. Я предположил, что, должно быть, оставил в классе что-то из своих вещей. И снова ошибся.

Джулия захотела продолжить наши дискуссии по синдрому Аспергера. Мне было приятно, что мой доклад так повлиял на нее. Она предложила встретиться за ужином в ресторане. По мне – не совсем подходящее место для дискуссии, но, поскольку я всегда ужинаю в одиночестве, спланировать время встречи было легко. С остальным оказалось сложнее.

– Какие именно аспекты вас интересуют?

– Ну-у-у-у, – ответила она, – я думала, мы могли бы просто поговорить... познакомиться поближе.

Расплывчато.

– Мне надо знать хотя бы в общих чертах, о чем пойдет речь. Что в моей лекции вас так заинтересовало?

– Ну... наверное, то, что в Дании «аспи» привлекают для проверки компьютеров.

– Для проверки компьютерных программ. – Мне определенно нужно было подготовиться к разговору по этой теме. – Что именно вы хотели узнать?

– Мне интересно, как их находят. Ведь большинство взрослых с синдромом Аспергера даже не подозревают о своей болезни.

Кстати, тут есть, о чем подумать. Опрос случайных претендентов на вакансии – крайне неэффективный способ выявить синдром Аспергера, который обнаруживается лишь у трех десятых процента населения. Я рискнул предположить:

– Думаю, они используют вопросник в качестве предварительного фильтра.

Я еще не договорил, когда у меня в голове что-то щелкнуло – не в буквальном смысле, конечно.

Вопросник! Какое очевидное решение. Специализированный, научно обоснованный, действенный инструмент. Тот самый, который позволит отсеять всех непунктуальных и безалаберных, привередливых в выборе мороженого, чувствительных к харассменту, любительниц гаданий на «магическом кристалле» и гороскопов, жертв моды, религиозных фанатичек, вегетарианок, спортивных болельщиц, креационисток[4 - Креационизм – теологическая и мировоззренческая концепция, согласно которой основные формы органического мира (жизнь), человечество, Земля, а также Вселенная в целом рассматриваются как непосредственное создание Творца или Бога.], курящих, научно безграмотных – ну, и еще верующих в гомеопатию. И в итоге оставить одну (в идеале) правильную кандидатуру. Или – что более реалистично – хотя бы шорт-лист претендентов.

– Дон? – Джулия терпеливо ожидала моего ответа. – Когда вам будет удобно встретиться со мной?

Всё изменилось. Прежде всего – приоритеты.

– Это невозможно, – сказал я. – У меня все дни расписаны.

Все мое свободное время отныне отдано новому проекту. Проекту «Жена».

После разговора с Джулией я тотчас отправился к Джину на факультет психологии, но не застал его. К счастью, не было и его личной ассистентки, Елены Прекрасной, которая больше смахивала на Елену Ужасную, – и ничто не мешало мне заглянуть в ежедневник Джина. Я обнаружил, что сейчас он читает лекцию, которая должна закончиться в семнадцать ноль-ноль, и до следующей встречи в семнадцать тридцать у него есть перерыв. Отлично; надо только чуть сократить мою тренировку в спортзале. Я забронировал для себя получасовое «окно» в расписании Джина.

Пришлось отказаться от душа и скорректировать нагрузки, так что после спортзала я поспешил к преподавательскому входу в учебный корпус. Я вспотел от жары и физических нагрузок, но чувствовал небывалый прилив сил – как физических, так и душевных. Ровно в семнадцать ноль-ноль по моим часам я зашел внутрь. Джин стоял за кафедрой в полутемном зале и отвечал на чей-то вопрос о финансировании, явно позабыв о времени. Я шагнул в аудиторию, впустив вместе с собой луч света. Слушатели, как по команде, повернули головы в мою сторону, словно в ожидании того, что я скажу.

– Время, – сказал я. – У меня встреча с Джином.

Все тут же вскочили со своих мест. Я заметил в первом ряду декана, а рядом с ней – троицу официальных лиц в строгих костюмах. Я догадался, что они присутствовали на лекции как потенциальные спонсоры, а вовсе не потому, что интересовались вопросами сексуального влечения у приматов. Джин всегда пытается привлечь средства для своих исследований, а декан постоянно грозит сократить кафедры генетики и психологии из-за недостаточного финансирования. Лично я предпочитаю не впутываться в эти игры.

Джин произнес, стараясь перекричать гул в зале:

– Думаю, мой коллега профессор Тиллман намекнул нам на то, что инвестиции – столь необходимое условие для продолжения нашей работы – стоит обсудить подробнее и в другое время. – Он выразительно посмотрел на декана и ее сопровождающих. – Позвольте еще раз поблагодарить вас за интерес к моей работе – и, разумеется, к работе моих коллег с кафедры психологии.

Раздались аплодисменты. Похоже, мое вторжение оказалось как нельзя более кстати.

Декан и ее строгие друзья прошествовали мимо меня.

– Прошу прощения, что мы задержали вашу встречу, профессор Тиллман, – сказала она мне. – Я уверена, мы сможем найти деньги в другом месте.

Приятно было слышать. Но тут я заметил, к своей досаде, что вокруг Джина образовалась толпа. Какая-то рыжеволосая дама с набором металлических предметов в ушах что-то втолковывала ему – и достаточно громко:

– Не могу поверить, что вы использовали публичную лекцию в своих меркантильных интересах.

– Значит, вы не зря пришли. Одно из своих убеждений вы уже изменили. Будем считать, что оно было первым.

Враждебность со стороны женщины была очевидна, хотя Джин и улыбался.

– Даже если вы правы, что на самом деле не так, – как же быть с социальным воздействием?

Меня поразил ответ Джина – и не своим скрытым смыслом, что для меня уже не было новостью, но легким смещением акцентов. Джин обладает навыками общения, чего мне никогда не добиться.

– Это уже чем-то напоминает разговор за чашечкой кофе, – сказал Джин. – Почему бы нам не продолжить его в кафе?

– Извините, – сказала она. – Мне надо заняться исследованиями. Собрать доказательную базу, как вы понимаете.

Я хотел было вмешаться, но меня опередила высокая блондинка. Во избежание физического контакта с ней я отступил в сторону. Она заговорила с норвежским акцентом.

– Профессор Барроу? – обратилась она к Джину. – При всем уважении к вам я думаю, что вы чересчур упрощаете феминистскую позицию.

– Для философских бесед лучше переместиться в кафе, – ответил Джин. – Давайте через пять минут в «Баристе».

Женщина кивнула и направилась к двери.

Наконец-то мы могли поговорить.

– Что у нее за акцент? – спросил Джин. – Шведский?

– Норвежский, – ответил я. – И, кажется, норвежка у тебя уже была.

Я напомнил ему, что у нас назначена беседа, но Джин мысленно уже засел с блондинкой в кафе. У большинства самцов на первом месте всегда секс, так что к проблемам другого рода они, как правило, глухи. К тому же у Джина присутствовала дополнительная мотивация, ведь секс был частью его исследовательского проекта. Взывать к его разуму, похоже, бесполезно.

– Найди другое окно в моем расписании, – бросил он мне.

Елена Прекрасная, похоже, уже закончила свой рабочий день, так что у меня снова был доступ к расписанию Джина. Чтобы втиснуться в рамки его свободного времени, я слегка перекроил собственный график. Отныне проект «Жена» был моим основным делом.

Я дождался следующего утра и в семь тридцать уже стучался в дверь дома Джина и Клодии. Мне пришлось сдвинуть свою пробежку к рынку на пять сорок пять, что в свою очередь обусловило ранний отход ко сну накануне вечером – и, соответственно, внесло некоторые изменения в распорядок дня.

Я слышал удивленные возгласы за дверью, прежде чем мне открыла Юджиния, дочь Джина и Клодии. Она, как всегда, обрадовалась моему визиту и потребовала, чтобы я усадил ее к себе на плечи и проскакал вместе с ней на кухню. Очень забавно. Я вдруг поймал себя на мысли, что можно было бы добавить Юджинию и ее сводного брата Карла в список моих друзей. Тогда их

стало бы четверо.

Джин и Клодия завтракали. Судя по их реакции, меня тут не ждали. Я посоветовал Джину вести ежедневник в Сети: это позволило бы ему быть в курсе грядущих событий, а меня избавило бы от неприятных встреч с Еленой Прекрасной. Джин отнесся к моей идее без энтузиазма.

Я еще не завтракал, поэтому взял из холодильника стаканчик йогурта. Конечно же сладкий! Немудрено, что у Джина лишний вес. Клодия пока не страдает ожирением, но я уже заметил некоторую склонность к лишним килограммам. Я обнародовал свои наблюдения и назвал йогурт потенциально опасным продуктом.

Клодия спросила, понравилась ли мне лекция по Аспергеру. Она полагала, что лекцию читал Джин, а я был лишь слушателем. Я не преминул исправить ошибку и сообщил ей, что воодушевлен данной темой.

– Тебе эти симптомы никого не напоминают? – спросила она.

Еще как. Один в один – Ласло Гевеши, преподаватель физического факультета. Я уже собирался рассказать известную историю о Ласло и его пижаме, когда на кухню зашел сын Джина, шестнадцатилетний Карл, в школьной форме. Он направился к холодильнику, словно намереваясь открыть дверцу, но вдруг резко развернулся и сделал эффектный выпад в мою сторону, целясь в голову. Я перехватил удар и мягко, но уверенно пригвоздил Карла к полу. Так он мог убедиться в том, что я достиг результата не столько силой, сколько ловкостью. Мы постоянно играем в эту игру, но в этот раз он не заметил стаканчика с йогуртом в моей руке, и теперь мы оба перемазались.

– Стойте, где стоите, – сказала Клодия. – Я за тряпкой.

Тряпка не помогла избавиться мою рубашку от пятен. Для стирки рубашки требуется стиральная машина, порошок, кондиционер для белья и уйма времени.

– Возьму что-нибудь у Джина, – сказал я и направился в их спальню.

Вернувшись в неудобной большой белой рубаше с рюшами, я попытался представить своим друзьям проект «Жена», но Клодия суетилась вокруг Карла. Меня все это начало раздражать. Я договорился с супругами о встрече в субботу вечером и попросил их не занимать это время другими разговорами.

Отсрочка оказалась весьма кстати: я получил возможность поработать над вопросником, уточнить список предпочтений и составить развернутый план. Всю эту работу, разумеется, пришлось увязывать с лабораторной рутинной, чтением лекций и общением с деканом.

В пятницу утром у нас состоялся очередной неприятный разговор по поводу студента-дипломника, которого я обвинил в плагиате. Однажды я уже поймал Кевина Ю на обмане. И вот теперь, проверяя его последнюю работу, я снова наткнулся на знакомые фразы из реферата трехлетней давности совсем другого студента.

Проведя собственное расследование, я обнаружил, что бывший студент теперь был тайным наставником Кевина и написал за него по крайней мере часть дипломной работы. Все это произошло несколько недель назад. Я доложил декану и ожидал, что в отношении Кевина будут приняты некие меры дисциплинарного воздействия. Но дело приняло неожиданный оборот.

– Ситуация с Кевином несколько щекотливая, – сказала декан. Мы беседовали в ее кабинете, напоминающем офис руководителя корпорации. Она и одета была в строгий темно-синий костюм, юбку с жакетом, – добирая солидности, как утверждал Джин. Маленькая, худенькая, на вид около пятидесяти – вполне возможно, что костюм делает ее более внушительной. Но я не считаю, что физическое превосходство уместно в академической среде. – Это уже третий проступок Кевина, и устав университета требует его исключения, – сказала она.

Факты казались мне в высшей степени убедительными, и необходимые действия со стороны деканата не вызывали сомнений. Я попытался уточнить, что стоит за «щекотливостью»:

– Разве доказательств недостаточно? Он что, подает в суд?

– Нет, все предельно ясно. Но его первый проступок был очень наивным. Он скачал текст из Интернета, и компьютерная программа уличила его в плагиате.

Тогда Кевин был первокурсником, и его английский оставлял желать лучшего. К тому же надо учитывать и культурные различия.

Я был не в курсе его первого проступка.

– Во второй раз вы уличили его в списывании, потому что он позаимствовал данные из какой-то работы, с которой вы оказались знакомы.

– Совершенно верно.

– Дон, наши преподаватели не так... бдительны, как вы. Ни один из них.

Непривычно было слышать из уст декана комплимент по поводу моей начитанности и преданности науке.

– Эти ребята платят огромные деньги за обучение в нашем университете. Мы слишком зависим от их взносов. Конечно, мы не хотим, чтобы они тупо списывали из Интернета. Вместе с тем надо признать, что им необходима помощь и... В общем, Кевину остался всего один семестр. Мы не можем отправить его домой без присвоения квалификации после трех с половиной лет здесь. Это будет странно, вы же понимаете.

– А если бы он был студентом-медиком? Что, если бы вы оказались в госпитале и попали в руки врача, который списывал на экзаменах?

– Но Кевин не медик. И он не списывал на экзаменах, он просто воспользовался некоторой помощью при написании работы.

Похоже, декан польстила мне только для того, чтобы склонить к неэтичному поведению. Но разрешить ее дилемму не составляло никакого труда. Не хотите нарушать правила – изменяйте эти самые правила. Так я ей и сказал.

Я не силен в умении читать по лицам, поэтому не смог расшифровать выражение, появившееся на лице декана.

– Нельзя, чтобы нас уличили в потворстве списыванию.

– Даже если так оно и есть?

Этот разговор порядком разозлил меня. На кону оказались очень важные вещи. А вдруг результаты университетских исследований будут отвергнуты из-за низкого уровня образовательного стандарта? При этом любая задержка в разработке методики лечения чревата гибелью людей. Что, если лаборатория по генетике наймет на работу специалиста, получившего свой диплом мошенническим путем, и он допустит ряд непоправимых ошибок? Декана, казалось, больше волновала форма, а не суть проблемы.

Я задумался о том, каково это – прожить жизнь с такой женщиной, как наш декан. От этой мысли мне стало не по себе. Чрезмерная озабоченность внешним видом... Я решил ужесточить свой вопросник, чтобы отсеять любительниц наряжаться.

4

Джин встретил меня с бокалом красного вина в руке. Припарковав свой велосипед в прихожей, я снял рюкзак, достал оттуда папку с проектом «Жена» и вручил Джину план действий. Я сократил его до шестнадцати двусторонних листов.

– Расслабься, Дон, у нас уйма времени, – сказал он. – Сначала поужинаем как люди, а потом займемся твоим вопросником. Если ты собираешься бегать по свиданиям, тебе необходимо практиковаться и в застольях.

Конечно, он был прав. К тому же Клодия великолепно готовит, а у Джина большая энотека, составленная по регионам, урожаям и производителям. Мы отправились в его винный погреб, который на самом деле расположен вовсе не в подвале. Джин продемонстрировал мне свои недавние приобретения, и мы выбрали бутылку – вторую по счету. Ужинали мы с Карлом и Юджинией, и я был избавлен от необходимости вести светскую беседу: мы с Юджинией тренировали память. Она обратила внимание на папку с названием «Проект “Жена”» – я выложил ее на стол, как только управился с десертом.

- Ты что, женишься, Дон? - спросила Юджиния.

- Совершенно верно.

- И на ком?

Я уже приготовился отвечать, но Клодия отправила Карла и Юджинию по комнатам. Это было правильно: опытом в этом вопросе они не обладали - и соответственно не могли внести посильный вклад в решение проблемы.

Я передал вопросники Клодии и Джину. Джин налил всем портвейна. Я объяснил, что при составлении анкеты постарался учесть все методики, включая вопросы с вариантами ответов, шкалу Лайкерта[5 - В социологии и психологии - шкала для измерения силы установки по отношению к чему-либо; представляет собой градацию степени согласия или несогласия с каким-либо утверждением относительно этого объекта.], перекрестную проверку данных, вопросы-обманки и вопросы с двойным дном. Тут Клодия попросила привести пример.

- Например, вопрос 35: Едите ли вы почки? Правильный ответ: (в) иногда. Проверка пищевых проблем. Если спросить напрямую о предпочтениях в еде, тебе наверняка ответят «Я ем все подряд». А потом выяснится, что она вегетарианка.

Я в курсе того, что существует много доводов в пользу вегетарианства. Однако лично я питаюсь мясом, поэтому мне удобнее, чтобы моя спутница ела то же самое. На раннем этапе логично обозначить идеальный вариант, а уже потом, при необходимости, вносить коррективы.

Клодия и Джин читали.

- Вот тут, в вопросе о свидании, думаю, правильным будет ответ (б) прийти чуть раньше.

Заведомо ошибочное предположение - показывающее, что даже мой друг Клодия не годится мне в жены.

– Правильный ответ (в) вовремя, – заметил я. – Преждевременность – это та же расточительность.

– Я бы разрешила чуть раньше, – настаивала Клодия. – Возможно, девушка просто перестаралась. Это не так уж плохо.

Интересное замечание. Я сделал себе пометку обдумать его, но подчеркнул, что ответы (г) чуть позже и (д) с большим опозданием категорически неприемлемы.

– Я думаю, если женщина говорит о себе «я – блестящий повар», она слегка кривит душой, – предположила Клодия. – Лучше спросить, любит ли она готовить. И скажи о том, что ты это любишь.

Именно этого я и ждал от нашей дискуссии – чтобы друзья помогли мне учесть все языковые нюансы, о которых я не подозревал. До меня вдруг дошло, что женщина – если она мыслит так же, как и я, – тоже может не видеть нюансов. Но вряд ли стоит требовать от потенциальной партнерши такого же косноязычия.

– Никаких украшений и никакого макияжа? – спросила Клодия, предугадывая ответы на оба вопроса, которые родились после моей встречи с деканом. – Украшения не обязательно имеют отношение к внешности. Если не можешь обойтись без этих вопросов, убери тот, что про украшения, и оставь про макияж. Но просто поинтересуйся, наносит ли она его ежедневно.

– Рост, вес и индекс массы тела. – Джин перешел к следующей части вопросника. – Разве ты сам не можешь рассчитать индекс?

– В том и смысл, – ответил я. – Проверка знаний арифметики. Та, что не ладит с математикой, мне не нужна.

– Я думал, что тебе не помешало бы получить представление о женщинах, – сказал Джин.

– Это вопрос физической формы, – пояснил я.

– А я думал, секса, – сказал Джин.

- Для разнообразия, - вставила Клодия. Странное замечание, если учесть, что Джин постоянно говорит о сексе. Но, кстати, в этот раз его реплика была к месту.

- Пожалуй, я добавлю вопрос про ВИЧ и герпес.

- Стоп, - сказала Клодия. - Это уж чересчур.

Я стал объяснять, что неизлечимые болезни, передающиеся половым путем, категорически недопустимы, но Клодия перебила меня:

- Хватит копать.

Ее реакцию можно понять. Я всего лишь пытался снизить вероятность ошибки первого рода - пустой траты времени на неподходящих претенденток. При этом неизбежно возрастал шанс ошибки второго рода - отсева подходящей кандидатуры. Но я сознательно шел на этот риск, ведь популяция женщин очень велика.

- Некурящая, - взял слово Джин. - Что ж, это честно. А каков правильный ответ на вопрос об употреблении алкоголя?

- Ноль.

- Да ладно. Сам-то не трезвенник. - Джин кивнул на мой бокал с портвейном, который он только что освежил. - Выпиваешь ведь иногда.

Я объяснил, что в рамках проекта «Жена» рассчитываю также и на самосовершенствование.

Мы продолжали в том же духе, и я получил немало ценных советов. Мой вопросник стал менее жестким, и в то же время я был уверен, что он позволит мне исключить большинство - если не всех - женщин, которые в прошлом доставили мне немало хлопот. Любительница Абрикосового Мороженого уж точно не прошла бы - как минимум по пяти пунктам.

Я собирался разместить свое объявление на обычных сайтах знакомств, снабдив его ссылкой на вопросник – в дополнение к привычному набору недостаточно характеризующих сведений, как то: рост, профессия, отношение к пешим прогулкам по взморью.

Джин и Клодия предложили мне не ограничиваться общением в Сети и попрактиковаться в очных свиданиях, чтобы отшлифовать навыки общения. Против испытаний вопросника в полевых условиях я не возражал. Поэтому в ожидании ответов онлайн я распечатал несколько экземпляров анкеты и снова стал ходить на свидания, хотя и зарекался тратить время на это пустое занятие.

* * *

Я начал с того, что зарегистрировался на сайте агентства «Столик на восьмерых». По результатам предварительного анкетирования – составленного на основе явно недостоверных данных и потому заведомо ошибочного – четверо мужчин, включая меня, и четыре женщины отправились в один из ресторанов, где, собственно, и должно было состояться знакомство. Я взял с собой четыре анкеты и прибыл туда ровно в двадцать ноль ноль. На месте была только одна женщина! Остальные три опоздали. Ошеломляющая возможность оценить преимущества полевых исследований. Ведь эти женщины заочно могли ответить вариантами (б) чуть раньше или (в) вовремя, в то время как их реальное поведение свидетельствовало об ином. Поэтому я решил временно разрешить вариант (г) с небольшим опозданием, рассудив, что единичный случай может оказаться исключением из правила. Я как будто услышал голос Клодии: «Дон, опаздывают все. Хотя бы иногда».

За столиком сидели и двое мужчин. Мы пожали руки. Мне вдруг пришло в голову, что это напоминает приветственный поклон перед поединком в единоборствах.

Я мысленно оценил своих конкурентов. Мужчина, представившийся Крейгом, на вид был моим ровесником. Лишний вес, белая, чересчур обтягивающая сорочка, усы и неухоженные зубы. Второй, Дэнни, – помоложе меня. Физически крепок, татуировки на руках, белая футболка, черные волосы – укладка явно с помощью косметики.

Женщину звали Оливия, и она первой (и по праву, поскольку не опоздала) завладела вниманием мужской тройки. Она оказалась антропологом. Дэнни спутал эту профессию с археологом, а Крейг отпустил расистскую шутку насчет пигмеев. Даже мне было совершенно очевидно, что Оливию такая реакция не впечатлила. Я испытал нечастое удовольствие от того, что оказался не самым социально безнадежным в компании. Оливия переключилась на меня. Как только я успел ответить на ее вопрос о профессии, наш разговор прервало появление четвертого мужчины, который представился как Джерри, адвокат, и двух женщин, Шэрон и Марии, – соответственно бухгалтера и медсестры. Был жаркий вечер, и Мария выбрала платье двойного назначения – оно не только дарило прохладу, но и выставляло напоказ все ее прелести. Шэрон была в деловом брючном костюме. Похоже, обе – мои ровесницы.

Оливия возобновила наш прерванный разговор, в то время как остальные погрузились в светскую беседу – вот уж поистине пустая трата времени, когда тебе предстоит принять судьбоносное решение. Свой вопросник я – по совету Клодии – выучил наизусть. Клодия решила, что задавать вопросы по бумажке несолидно, это может создать ненужное напряжение; лучше попытаться ненавязчиво вернуть вопросы в разговор. Я напомнил ей, что столь изощренные уловки – не мой конек. В ответ Клодия попросила меня не расспрашивать о болезнях, передаваемых половым путем, и самому прикинуть вес, рост и индекс массы тела. Я уже успел подсчитать, что ИМТ Оливии – девятнадцать: хрупкая, но без признаков анорексии. У бухгалтера Шэрон – около двадцати трех, а у медсестры Марии все двадцать восемь. И это при рекомендуемом максимуме двадцать пять.

Вместо того чтобы спросить об IQ Оливии напрямую, я решил вывести его приблизительное значение – исходя из ее ответов на мой вопрос об историческом аспекте восприимчивости к сифилису у коренного населения Южной Америки. У нас завязался в высшей степени увлекательный разговор, и я почувствовал, что эта тема, возможно, даже позволит мне плавно перейти к вопросу о болезнях, передаваемых половым путем. Ее IQ определенно был выше требуемого минимума. Адвокат Джерри вставил несколько реплик – попытавшись пошутить, как мне показалось; но в конце концов он отстал от нас, и мы продолжили беседу.

И тут – с опозданием на двадцать восемь минут – появилась недостающая женщина. Улучив момент, пока Оливия отвлеклась, я быстренько записал в вопросники, лежащие на коленях, добытые сведения о трех претендентках. Я не

стал тратить бумагу на вновь прибывшую, поскольку она сразу объявила о том, что «вечно опаздывает». Впрочем, это ничуть не смутило адвоката Джерри. Он скорее всего выставлял счета за свои услуги каждые шесть минут, так что время рассматривал как величайшую ценность. Еще большей ценностью для него, судя по всему, был секс, поскольку своим трепом Джерри начал напоминать мне Джина.

С приходом опоздавшей появился и официант с меню. Оливия бегло просмотрела список блюд и спросила:

- Тыквенный суп - он на овощном бульоне?

Ответ мне уже был не интересен. Все уже прозвучало в вопросе. Вегетарианка.

- Я индуистка. - Оливия, должно быть, заметила мое разочарование.

Я еще раньше подумал о том, что Оливия, наверное, индианка, судя по ее сари и внешности. Однако так и не понял, какой смысл она вкладывала в понятие «индуистка» - то ли это было признание религиозных убеждений, то ли ссылка на культурную принадлежность. Я мысленно отругал себя за то, что не распознал это сразу.

- Мороженое едите? - поинтересовался я. Вопрос казался уместным после заявления о вегетарианстве. Для полной ясности.

- Ем, да. Я не веган[6 - Веганы - строгие вегетарианцы, исключаящие из своего рациона все продукты животного происхождения, включая мясо, рыбу, яйца, молоко, молочные продукты и иногда мед.]. Но только если в мороженом нет яиц.

Слабое утешение.

- Есть любимый сорт?

- Фисташковое, - улыбнулась она. - Определенно фисташковое.

Мария и Дэнни вышли на улицу курить. Теперь, когда три женщины, включая опоздавшую, были исключены, я посчитал свою миссию практически выполненной.

Принесли заказанные мною бараньи мозги, и я разрезал пополам один кусок, обнажая сердцевину. Я постучал Шэрон по плечу, прервав ее беседу с расистом Крейгом, и показал ей кусок:

– Вы любите мозги?

И четвертую вычеркнул. Дело сделано. Я продолжил разговор с Оливией – великолепной собеседницей – и даже заказал еще вина после того, как остальные удалились, разбившись по парам. Мы увлеклись беседой настолько, что оказались последними посетителями в ресторане. Когда я паковал вопросники в рюкзак, Оливия оставила мне свои контакты, и я аккуратно все записал, чтобы не показаться грубым. После чего мы распрощались, и каждый пошел своим путем.

Возвращаясь домой на велосипеде, я обдумывал то, что произошло на ужине. Конечно, это был в высшей степени неэффективный метод отбора, зато мой тест доказал свою состоятельность. Не будь этих заранее продуманных вопросов, я бы наверняка поплелся на второе свидание с Оливией, такой интересной и милой женщиной. Возможно, и на третье, и на четвертое, и на пятое. А потом, в один прекрасный день, выяснилось бы, что все десерты в ресторане сделаны из яиц, и мы бы отправились в кафе-мороженое напротив – и там столкнулись бы с отсутствием фисташкового, без яиц. Гораздо лучше выяснить все, прежде чем вкладывать в отношения свои силы и время.

5

Я стоял в холле загородного дома, очень напоминающего кирпичный особняк в Шеппартоне, где жили мои родители. Когда-то я твердо решил для себя – никогда больше не ходить на вечера для холостяков. Но с вопросником можно избежать многих тягот бессистемного общения с незнакомками.

Каждой новой гостье я вручал мою анкету – с просьбой заполнить в удобное время и либо вернуть ее мне во время вечеринки, либо прислать по почте. Хозяйка мероприятия пригласила меня присоединиться к компании в гостиной, но я объяснил ей свои цели, и она оставила меня в покое. Спустя два часа женщина лет тридцати пяти, ИМТ примерно 21, вышла из гостиной, держа в одной руке два бокала игристого. В другой руке у нее был вопросник.

– У вас, наверное, в горле пересохло, – произнесла она с приятным французским акцентом и вручила мне бокал.

Пить я не хотел, но не имел ничего против того, чтобы выпить. Я решил, что не завяжу с алкоголем до тех пор, пока не найду непьющую спутницу. После некоторого самоанализа я пришел к выводу, что вариант (в) умеренно вполне приемлем в качестве ответа на вопрос об отношении к алкоголю, – и решил обновить вопросник.

– Спасибо. – Я надеялся, что она вернет мне заполненную анкету и, возможно (хотя и маловероятно), это станет финалом моих поисков. Она была чудо как хороша, а ее жест с вином указывал на высокий уровень вежливости и участия – то, что не демонстрировали ни остальные гости, ни хозяйка.

– Вы ученый, я угадала? – Она кивнула на анкету.

– Совершенно верно.

– Я тоже, – сказала она. – Здесь сегодня не так много ученых.

Делать выводы по характеру и тематике разговоров – занятие опасное. Тем не менее мое мнение о собравшихся совпало с ее наблюдениями.

– Фабьена, – представилась она и протянула мне свободную руку. Я пожал ее, стараясь выдержать рекомендуемый уровень твердости. – Ужасное вино, не правда ли?

Я согласился. Это было игристое сладкое вино, приемлемое лишь потому, что в нем содержался алкоголь.

– Может, нам пройти к бару и заказать что-то получше? – предложила она.

Я замотал головой. Качество вина было отвратительным, но не смертельным.

Фабьена глубоко вздохнула:

– Послушайте. Я выпила два бокала вина, у меня полтора месяца не было секса, и я предпочту подождать еще столько же, чем закрутить с кем-то из них. Итак – можно, я угощу вас?

Это было очень любезно с ее стороны. Но вечер только начинался. Поэтому я ответил:

– Должны прийти еще гости. Возможно, среди них вы найдете подходящего.

Фабьена отдала мне заполненную анкету:

– Полагаю, вы известите победителей. В установленном порядке.

Я заверил ее в том, что сделаю это непременно. Когда она ушла, я быстро пробежал глазами ее ответы. Как и следовало ожидать, она провалилась сразу по нескольким параметрам. А жаль.

* * *

Последним опытом живого, а не виртуального общения с претендентками стало экспресс-знакомство – подход, новый для меня.

Нас собрали в банкетном зале одного из отелей. Мне все-таки удалось выпытать у организатора реальное время начала, так что я спокойно просидел в баре, а не слонялся бесцельно в ожидании. Вернувшись в зал, я занял единственное свободное место за длинным столом – напротив женщины с табличкой «Фрэнсис». Возраст около пятидесяти, ИМТ примерно двадцать восемь, наружность – не особо привлекательная.

Зазвонил колокольчик. Начались мои три минуты общения с Фрэнсис.

Я достал экземпляр вопросника и написал на нем ее имя. Времени мало, не до тонкостей.

– Я расположил вопросы в таком порядке, чтобы максимально увеличить скорость выбывания, – объяснил я. – По моему опыту, для того, чтобы отсеять большинство женщин, хватает сорока секунд. Потом вы сможете выбрать любую тему для разговора на оставшееся время.

– Но тогда это не будет иметь значения, – сказала Фрэнсис. – Ведь к тому времени меня отсеют.

– Только как потенциальную партнершу. Но мы все равно сможем провести интересную беседу.

– Но это не спасет меня от выбывания.

Я кивнул.

– Вы курите?

– Иногда, – ответила она.

Я отложил анкету в сторону.

– Спасибо.

Я был доволен тем, как эффективно продумана последовательность вопросов. Мы могли бы впустую потратить время, болтая о сортах мороженого и косметике, а потом выяснить, что она курит. Разумеется, курение даже не рассматривалось.

– Вопросов больше нет. Ну, о чем поговорим?

Очень жаль, но после того, как я определил, что мы не подходим друг другу, Фрэнсис не проявила интереса к дальнейшему общению. Остаток вечера прошел по той же схеме.

* * *

Конечно же все эти свидания были лишь для очистки совести. Основную ставку я делал на Интернет. Вскоре после размещения вопросника на сайте в мой почтовый ящик посыпались заполненные анкеты. Я позвал Джина к себе в кабинет.

– Сколько? – спросил он.

– Двести семьдесят девять.

Он был впечатлен. Я не стал говорить, что качество ответов далеко не однородно, а какие-то анкеты заполнены лишь частично.

– Фоток нет?

Многие женщины вложили свои фотографии, но я не выводил их на дисплей, чтобы они не отвлекали от изучения более важной информации.

– Давай посмотрим фотки, – настаивал Джин.

Я изменил настройки. Джин бегло просмотрел несколько фото, прежде чем дважды щелкнул мышкой по одной из них. Его решимость взбодрила меня. Казалось, он одобрил кандидатуру, но краткое знакомство с ее анкетой показало, что девушка совершенно не годится. Я взял мышку и удалил ее файл.

– Стой! Стой! Что ты делаешь? – запротестовал Джин.

– Она верит в астрологию и гомеопатию. И к тому же неправильно подсчитала свой ИМТ.

– Сколько у нее?

– Двадцать три с половиной.

- Отлично. Ты можешь восстановить ее анкету?

- Она совсем не подходит.

- И сколько тех, кто подходит? – спросил Джин, переходя наконец-то к сути дела.

- Пока ноль. Мой вопросник – отличный фильтр.

- А тебе не кажется, что ты слегка задрал планку?

Я заметил, что речь идет о сборе данных для принятия судьбоносного решения. Компромисс в этом деле неуместен.

- В жизни всегда приходится идти на компромисс, – сказал Джин. Ну вот уж кто бы говорил.

- Ты же нашел идеальную жену. Умницу, красавицу, которая к тому же закрывает глаза на твои похождения.

Джин попросил меня не восхищаться при Клодии ее ангельским терпением – и еще раз поинтересовался количеством заполненных анкет. Их оказалось больше: вопросники на бумажных носителях я в тот раз не упоминал. А с ними получилось триста четыре.

- Дай-ка мне список, – сказал Джин. – Выберу нескольких.

- Но ни одна из них не отвечает требованиям. У всех есть какие-то недостатки.

- Так ты восприми это как тренировку.

Пожалуй, Джин говорил дело. Я и сам уже подумывал об Оливии, Индийском Антропологе, и даже пытался представить себе жизнь с индусткой-вегетарианкой с четким выбором в области мороженого. И лишь мысль о том, что стоит подождать идеальный вариант, удерживала меня от того, чтобы позвонить ей. Признаться, я перепроверил и анкету Фабьены – Ученой Дамы, Лишенной Секса.

- Только никаких курильщиц. - Я сбросил все данные в почтовый ящик Джина.

- Договорились, - сказал Джин, - но ты должен будешь пригласить их на свидание. За ужином. В хорошем ресторане.

Джин, видимо, смекнул, что такая перспектива меня не слишком вдохновляет. И пошел на хитрость, предложив совсем уж дикую альтернативу:

- В конце концов, факультет устраивает вечера.

- Тогда лучше ресторан.

Джин улыбнулся, довольный своей изобретательностью.

- Все очень просто, не робей. «Поужинаем сегодня?» Повтори за мной.

Я повторил.

- Вот видишь, ничего сложного. За ужином осыпай ее комплиментами. Не забудь оплатить счет. Ни слова о сексе. - Джин подошел к двери, потом вернулся. - А где анкеты на бумаге?

Я передал ему вопросники со «Столика на восьмерых», с вечеринки для холостяков и, по его настоянию, даже частично заполненные формы с экспресс-знакомства. Теперь все было в его руках.

6

Часа через два после того, как Джин ушел от меня с заполненными анкетами, в дверь моего кабинета постучали. Я взвешивал студенческие работы. Думаю, это не запрещено лишь потому, что никто не догадывался о том, что я так поступаю. А я всего лишь пытался облегчить процесс оценки работ. Скажем, по наличию оглавления. По оформлению титульной страницы (отпечатанной или написанной от руки). Все это может сказать о качестве работы столько же, сколько и

скучный процесс чтения всего, что в ней написано.

Я быстро убрал весы под стол, а затем увидел в дверях незнакомую женщину. Возраст на глаз – тридцать, индекс массы тела – двадцать.

– Профессор Тиллман?

Поскольку табличка с моим именем висела на двери кабинета, я счел этот вопрос неудачным.

– Совершенно верно.

– Профессор Барроу порекомендовал мне обратиться к вам.

Я был поражен оперативностью Джина и присмотрелся к женщине повнимательнее, когда она подошла к моему столу. Очевидных признаков непригодности я не заметил. Никаких следов косметики. Фигура и кожа являли собой крепкое здоровье и отменную физическую форму. Правда, ее очки в тяжелой оправе оживили в моей памяти дурные воспоминания о Любительнице Абрикосового Мороженого. Длинная черная футболка, кое-где порванная, черный ремень с металлическими цепями. Хорошо, что я убрал из анкеты вопрос об украшениях, потому что у нее в ушах были большие металлические серьги, а на шее болтался забавный кулон.

Обычно я не обращаю внимания на одежду, но ее наряд не соответствовал моим представлениям об университетском или деловом стиле. Я предположил, что моя гостья занимается собственным бизнесом или проводит время на каникулах – поэтому, не связанная корпоративным дресс-кодом, она одевается во что попало. Что ж, с этим я вполне мог смириться.

Пауза слишком затянулась, и я догадался, что теперь моя очередь говорить. Я оторвал взгляд от кулона и вспомнил инструкции Джина:

– Поужинаем сегодня?

Казалось, она была удивлена. Но тем не менее ответила:

– Да, хорошо. Почему бы не поужинать? Как насчет ресторана «Гаврош»? И вы платите.

– Отлично. Я закажу столик на двадцать ноль-ноль.

– Вы шутите.

Странная реакция. С чего бы вдруг я стал шутить с едва знакомым человеком?

– Нет. Сегодня, двадцать ноль-ноль. Вас это устроит?

– Правильно ли я поняла? Вы предлагаете угостить меня ужином сегодня вечером в ресторане «Гаврош»?

Мало того что она переспросила мое имя, теперь еще и это. Я уже начинал думать, что женщина, как сказал бы Джин, «не семи пядей во лбу». Пожалуй, надо было сдать назад или, по крайней мере, отложить свидание до тех пор, пока я не проверю ее анкету. Но я что-то не мог сообразить, как бы это сделать потактичнее, поэтому подтвердил, что она правильно поняла мое предложение. Она развернулась и вышла из кабинета. Только тогда до меня дошло, что я даже не узнал, как ее зовут.

Я тотчас перезвонил Джину. Поначалу он ничего не понял, а потом вдруг развеселился. Наверное, он не ожидал от меня такой прыти.

– Ее зовут Роза, – сказал он. – И больше я тебе о ней ничего не скажу. Развлекайся. И помни, что я говорил насчет секса.

Я был огорчен отказом Джина. К тому же в «Гавроше» не оказалось свободного столика на восемь вечера. Я попытался разыскать анкету Розы в своем компьютере, и тут впервые пригодились фотографии. Женщина, приходившая в мой кабинет, не похожа ни на одну из кандидаток на букву «Р». Должно быть, она заполняла бумажный вопросник. Но Джин уже ушел с работы, и его телефон не отвечал.

Я был вынужден принять меры – не то чтобы незаконные, но, несомненно, аморальные. Единственным оправданием служило то, что сорвать свидание с

Рози – еще более аморально. В системе онлайн-бронирования ресторана «Гаврош» предусмотрены льготы для ВИПов, и я – с помощью относительно незамысловатой хакерской программки – сделал заказ на имя нашего декана.

В девятнадцать пятьдесят девять я прибыл к отелю, где находился «Гаврош». Свой велосипед я поставил в вестибюле, поскольку на улице шел ливень. К счастью, было не холодно, и моя куртка из гортекса отлично справилась со своей защитной функцией. Футболка под ней даже не намочла.

Ко мне подошел метрдотель в униформе. Он указал на велосипед, но я заговорил первым, не дав ему возможности и рта открыть:

– Я – профессор Лоуренс. В семнадцать часов одиннадцать минут я забронировал у вас столик через Интернет.

Судя по всему, мэтр не знал декана в лицо или же попросту решил, что я другой профессор Лоуренс. Сверившись со своими записями, он кивнул. Я похвалил себя за находчивость. Между тем часы показывали двадцать ноль одну, а Розы все не было. Возможно, она пришла по варианту (б) чуть раньше и уже сидит за столиком?

Но тут возникла другая проблема.

– Прошу прощения, сэр, но у нас дресс-код, – произнес метрдотель.

Конечно, я знал об этом. На сайте, жирным шрифтом: «мужчин просят быть в куртках»[7 - В английском языке слово jacket обозначает и пиджак, и куртку.].

– Иначе не накормят, верно?

– Примерно так, сэр.

Ну что я могу сказать по этому поводу? Я был готов просидеть в своей куртке весь ужин. Кондиционеры в таких местах должны работать исправно, а температура воздуха соответствует санитарным нормам.

Я направился к ресторану, но метрдотель преградил мне путь:

– Прошу прощения. Наверное, я не слишком ясно выразился. Вам необходимо быть в пиджаке.

– А я в чем?

– Боюсь, требуется что-то более официальное, сэр.

Он указал на свой пиджак в качестве примера. В защиту своих последующих действий приведу толкование слова jacket по Оксфордскому словарю английского языка (карманный, второе издание): 1 (а) Верхняя часть мужской или женской одежды.

Еще замечу, что то же самое слово фигурирует и в инструкции по уходу за моей относительно новой и абсолютно чистой курткой из гортекса. Но, похоже, в скудном словарном запасе метрдотеля оно существовало в единственном значении – как верхняя часть костюма.

– Мы с удовольствием предоставим вам пиджак во временное пользование, сэр. Пиджак в подходящем стиле.

– У вас что, запас пиджаков? Всевозможных размеров? – Я не стал добавлять, что наличие такого инвентаря свидетельствует о недостатках в работе администрации, которая не в состоянии четко разъяснить правила дресс-кода, и что было бы полезно переформулировать их – а еще лучше вовсе исключить такие требования. Не стал я упоминать и о том, что стоимость закупки пиджаков и их чистки, должно быть, включена в стоимость блюд. Интересно, знают ли посетители о том, что они субсидируют склад пиджаков?

– Мне это неизвестно, сэр, – сказал мэтр. – Позвольте предложить вам пиджак.

Нет нужды говорить о том, что мне вовсе не хотелось напяливать на себя пиджак общего пользования и сомнительной чистоты. В какой-то момент меня буквально парализовала очевидная абсурдность этой ситуации. Я и так переживал, готовясь ко второй встрече с женщиной, которой, возможно, суждено стать моей спутницей жизни. А тут заведение, которому я собрался заплатить деньги за то, чтобы нас накормили – фактически поставщик услуг, – вместо того чтобы обеспечить мне максимальный комфорт, ставило палки в

колеса. Мою куртку из гортекса – этот высокотехнологичный предмет верхней одежды, который спасал меня в дождь и в снег, – совершенно незаслуженно, несправедливо и возмутительно противопоставили шерстяному эквиваленту, выполняющему исключительно декоративную функцию. Я отдал за свою любимицу тысячу пятнадцать долларов, из них сто двадцать – за то, чтобы ее оснастили желтыми катафотами. Я все-таки решил привести свои доводы в ее защиту:

– Моя куртка превосходит ваш пиджак по всем статьям: водонепроницаемость, видимость при плохом освещении, компактность.

Я расстегнул молнию, чтобы продемонстрировать внутренние карманы, и продолжил:

– Скорость сушки, устойчивость к пищевым пятнам, капюшон...

Главный По Пиджакам оставался невозмутимым, хотя, распалившись, я уже вещал довольно громко:

– Высочайшая прочность ткани...

И тут для наглядности я вцепился в лацканы его пиджака. У меня и в мыслях не было порвать пиджак, но тут я почувствовал, как кто-то грубо схватил меня сзади и попытался завалить на пол. Я машинально ответил безопасным слабым ударом, выведя противника из строя без ущерба для собственных очков. Правда, термин «слабый удар» применим лишь к сопернику, который умеет падать. Тот, кто атаковал меня, этой техникой не владел, а потому приземлился отнюдь не мягко.

Я обернулся, посмотрел. Огромный злющий детина. Чтобы предотвратить новую атаку, мне пришлось взгромоздиться прямо на него.

– А ну слезь с меня, козел. А то убью.

С учетом такой перспективы было бы нелогично удовлетворять его просьбу. Тут подоспел еще один и попытался оттащить меня. Я помнил об угрозе Бандита Номер Один, но у меня не было иного выбора, кроме как обезвредить и Бандита

Номер Два. Конечно, серьезно никто не пострадал, но создалась крайне неловкая ситуация. Меня уже терзали муки совести.

К счастью, появилась Роза.

– Роза! – удивленно воскликнул Главпиджак.

Очевидно, они были знакомы. Она перевела взгляд с него на меня и спросила:

– Профессор Тиллман... Дон... что происходит?

– Вы опоздали, – сказал я. – У нас тут возникла проблема социального характера.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Главпиджак у Розы.

– Я что, по-твоему, угадала, как его зовут?

Роза вела себя агрессивно. Я подумал, что это, наверное, не лучший способ разрешения конфликта. Конечно, нам стоило извиниться и покинуть заведение. Похоже, в этом ресторане отужинать не судьба.

Вокруг нас уже образовалась небольшая толпа. Я подумал, что сейчас может нагрянуть еще один бандит, так что мне было необходимо высвободить одну руку, при этом не отпуская поверженных. В процессе высвобождения один из них заехал другому в глаз, так что страсти заметно накалились.

– Он напал на Джейсона, – добавил Главпиджак.

– И поделом. Бедный Джейсон. Вечная жертва, – ответила Роза.

Теперь я мог разглядеть ее. Черное платье безо всякой отделки. Черные ботинки на толстой подошве. На руках – коллекция серебряных браслетов. Ее рыжие волосы торчали вихрами-колючками, как новая разновидность кактуса. Мне уже доводилось слышать слово «сногшибательная» применительно к женщине – но, пожалуй, впервые я и сам мог произнести его. И дело было даже не в наряде или украшениях и не в самой Розе – а скорее в общем эффекте. Неизвестно, сочли бы ее красавицей в традиционном понимании или хотя бы подходящей для того

ресторана, который отверг мою куртку. «Сногшибательная» – пожалуй, наиболее подходящий эпитет. Но то, что произошло потом, и вовсе сразило меня наповал. Роза достала из сумки мобильник и направила его на нас. Дважды сработала вспышка. Главпиджак бросился к ней, чтобы отнять телефон.

– А вот даже не мечтай, – сказала Роза. – Я такое устрою с этими фотками, что эти двое больше никогда не будут стоять на входе. Профессор надрал задницу вышибалам!

К нам подошел некто в поварском колпаке. Он что-то сказал мэтру и Розе, и она – видимо, получив заверения в том, что нам позволят тихо уйти, – попросила меня освободить пленных. Мы встали, все трое. Я поклонился своим соперникам – видимо, они охраняли заведение – и протянул им руки. В конце концов, они всего лишь работали и получили травмы на службе. Казалось, они не ожидали такого финала поединка, но тут один из них рассмеялся и пожал мою руку. Напарник последовал его примеру. Что ж, конфликт разрешился мирно, но у меня пропало желание ужинать в этом ресторане.

Я забрал свой велосипед, и мы вышли на улицу. Я ожидал, что Роза будет злиться, но она улыбалась. Я спросил, откуда она знает Главпиджака.

– Я когда-то работала здесь.

– Вы выбрали ресторан, потому что это место вам знакомо?

– Можно и так сказать. Просто хотела утереть им нос. – Она засмеялась. – Ну, может, не до такой степени.

Я похвалил ее за находчивость.

– Я работаю в баре, – сказала она. – И не просто в баре, а в «Маркизе Куинсберри». Уроды – моя профессия.

Я заметил, что если бы она пришла вовремя, то смогла бы употребить свои навыки общения и мне не пришлось бы применять силу.

– Ну тогда хорошо, что я опоздала. Дзюдо, да?

– Айкидо. – Мы пошли через дорогу, и я переставил велосипед так, что он оказался между мной и Розы. – Я занимаюсь и карате, но айкидо в данной ситуации было более подходящим.

– Да ладно! Наверное, сто лет надо учиться, чтобы освоить это искусство?

– Я начал в семь.

– И как часто тренируетесь?

– Три раза в неделю. За исключением болезней, национальных праздников и научных командировок за рубеж.

– А что вас подтолкнуло к этому виду спорта? – спросила Розы.

Я показал на свои очки.

– Мечь ботанов, – понимающе произнесла она.

– С тех пор как я окончил школу, сегодня – первый раз, когда эти навыки мне потребовались для самообороны. Изначальная цель – фитнес. – Я слегка расслабился, и Розы, сама того не сознавая, предоставила мне возможность вернуть вопрос из анкеты для проекта «Жена». – А вы регулярно посещаете спортзал?

Она рассмеялась:

– Зависит от того, что вы подразумеваете под словом «регулярно». Я самый неспортивный человек на планете.

– Но физические упражнения чрезвычайно полезны для здоровья.

– То же самое мне говорит мой отец, тренер. Постоянно агитирует меня. На день рождения подарил мне членскую карточку в спортклуб, где он работает. У него навязчивая идея, чтобы мы вместе подготовились к триатлону.

– Вам следовало бы прислушаться к его совету, – сказал я.

– Черта с два, мне почти тридцатник. Еще не хватало, чтобы папа указывал мне, что делать.

Рози сменила тему:

– Послушайте, я умираю от голода. Давайте съедим пиццу.

После пережитого мысль о ресторане была невыносима. Я сказал ей, что намерен вернуться к первоначальному плану на вечер – приготовить ужин дома.

– А двоих накормить сможете? – спросила она. – Не забывайте, за вами должок.

Тут она была права, но непредвиденных событий оказалось чересчур много для одного дня.

– Да ладно. Не буду наезжать на вашу стряпню. Сама-то я вообще готовить не умею.

Перспектива такого рода претензий меня совсем не волновала. Но в свете проекта «Жена» отсутствие кулинарных навыков было уже третьей ошибкой с ее стороны – после опоздания и отвращения к спорту. Я чувствовал, что назревает и четвертая: вряд ли ее профессия официантки и барменши подразумевает высокий интеллектуальный уровень. Похоже, продолжение знакомства не имело смысла.

Прежде чем я смог возразить, Рози остановила такси-минивэн, куда мог поместиться мой велосипед.

– Где вы живете? – спросила она.

– Вау, мистер Порядок. Как же так получилось, что в вашем доме нет ни одной картины?

Я не принимал у себя гостей с тех пор, как лишился общества Дафны. Я знал, что мне всего-то нужно поставить на стол лишнюю тарелку и положить еще один комплект столовых приборов. Но вечер выдался на редкость нервным, а эйфория, вызванная повышенным выбросом адреналина в ходе Инцидента с Главпиджаком, уже улетучилась – по крайней мере, у меня. А вот Розы, похоже, пребывала в постоянном возбуждении.

Мы сидели в гостиной, которая примыкает к кухне.

– Картин у меня нет, потому что через некоторое время я перестаю их замечать. Человеческий мозг настроен на восприятие изменений в окружающем пространстве, чтобы вовремя распознать хищника. Если бы я развесил картины или другие декоративные объекты, то замечал бы их в течение нескольких дней – а потом мой мозг перестал бы на них реагировать. Когда мне хочется посмотреть произведения искусства, я иду в галерею. Там и картины качеством повыше, да и общая стоимость посещений обходится куда дешевле, чем покупка каких-то постеров.

На самом деле в последний раз я был в галерее десятого мая, причем три года назад. Но это ослабило бы мой довод, и я не видел причины делиться этим с Розы – как и раскрывать другие аспекты своей личной жизни.

Между тем Розы изучала мою коллекцию компакт-дисков. Ее любопытство начинало раздражать. Ужин задерживался.

– Похоже, вы большой любитель Баха, – сказала она. Справедливое суждение, если учесть, что моя музыкальная коллекция состоит исключительно из произведений этого композитора. Впрочем, все было не совсем так.

– Я решил сосредоточиться на Бахе после того, как прочитал «Гёдель, Эшер, Бах» Дугласа Хофштадтера[8 - Дуглас Роберт Хофштадтер (род. 1945) – американский физик и информатик; получил известность благодаря книге «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда», опубликованной в 1979 году. В 1980 году книга получила Пулитцеровскую премию.]. К сожалению, я не добился большого прогресса. Наверное, мой мозг работает недостаточно быстро, чтобы

расшифровать математические модели в музыке.

- Так вы слушаете ее не для удовольствия?

Все это начинало смахивать на интеллектуальные беседы с Дафной, и я не стал отвечать.

- Айфон есть? - спросила она.

- Конечно, но не для музыки. Я загружаю в него подкасты[9 - Подкаст - цифровая запись радио- или телепрограммы, которую можно скачать из Интернета.].

- Дайте-ка угадаю... по генетике?

- По науке вообще.

Я переместился на кухню, чтобы заняться ужином. Розы пошла за мной, но замерла, увидев доску с расписанием дня.

- Вау, - снова сказала она.

Такая реакция уже становилась предсказуемой. Интересно, как она отреагировала бы на ДНК или теорию эволюции. Я начал доставать из холодильника овощи и зелень.

- Давайте я помогу, - сказала она. - Я умею резать и все такое.

По ее логике выходило так, что нарезку может выполнять любой неумеха, к тому же не знакомый с рецептом блюда. После ее признания в том, что она не способна приготовить что-либо даже в ситуации, грозящей голодной смертью, мне представились обрубки порея и зелень, измельченная в пыль.

- Никакой помощи не требуется, - сказал я. - Лучше почитайте что-нибудь.

Рози подошла к книжной полке, бегло осмотрела содержимое и вернулась назад. Возможно, она пользовалась IBM, а не «Маком», хотя многие из моих учебных пособий подходили для обеих систем.

В моей аудиосистеме есть порт для айпода – я готовлю и слушаю подкасты. Рози вынула свой телефон, и из динамиков полилась музыка. Негромкая музыка. Но я был уверен: подключи я без разрешения свой подкаст в чужом доме, меня бы обвинили в элементарной невоспитанности. Именно такую ошибку я совершил на званом ужине четыре года и шестьдесят семь дней тому назад.

Рози продолжила осваиваться, как зверек на чужой территории, – что, собственно, было недалеко от истины. Она открыла жалюзи и подняла их вместе с легким облаком пыли. Я чрезвычайно прилежен в уборке, но никогда не открываю жалюзи, поскольку в этом нет необходимости. Должно быть, в некоторых местах скопилась пыль. За жалюзи скрывается балконная дверь, и Рози ловко отодвинула щеколды.

Мне стало очень неудобно от такого вторжения в личное пространство. Я попытался сосредоточиться на ужине, в то время как Рози вышла на балкон. Я услышал, как она сдвинула с места два больших горшка с растениями – должно быть, они уже зачахли в отсутствие надлежащего ухода. Я опустил зелень и овощную смесь в большую кастрюлю с кипящей водой, добавив соль, рисовый винный уксус, мирин[10 - Японское сладкое рисовое вино.], апельсиновую цедру и семена кориандра.

– Не знаю, что вы там готовите, – крикнула с балкона Рози, – но вообще-то я вегетарианка.

Вот как! А ведь я уже начал готовить! Из того, что я купил для себя. И что означает «вообще-то» – есть ли в этом какая-либо гибкость? Как у моей коллеги Эстер – которая все-таки призналась, что съест свинину, если это будет необходимо для выживания?

Вегетарианцы и веганы вызывают у меня крайнее раздражение. У Джина есть шутка: «Как можно распознать вегана? Просто подожди десять минут, и он сам тебе об этом скажет». Вот уж если бы! Но нет. Вегетарианцы приходят на обед, а уж потом заявляют: «Я не ем мясо».

Сегодняшний эпизод – уже второй. Катастрофа Со Свиными Ножками случилась шесть лет назад, когда Джин посоветовал мне пригласить женщину домой к ужину. Дескать, я смогу произвести впечатление своими кулинарными талантами, и на меня не будет давить ресторанный обстановка.

– Выпьешь сколько захочешь, а потом сразу в койку, – привел он решающий довод.

Ее звали Бетани, и в ее сетевых данных вегетарианство не значилось. Полагая, что еда как таковая будет иметь принципиальное значение, я взял в библиотеке свежую книгу Фергюса Хендерсона «Свинья от носа до хвоста», задумав обед из нескольких блюд. Все свиное многообразие – мозги, язык, брыжейка, поджелудочная, почки и так далее.

Бетани явилась вовремя. Ей было хорошо. Мы выпили по бокалу вина, а потом все пошло наперекосяк. Начали мы с жареных свиных ножек, блюда чрезвычайно сложного в приготовлении, но Бетани едва отщипнула кусочек.

– Я не большой любитель свиных ножек, – сказала она. Это не показалось мне чем-то из ряда вон выходящим: у каждого из нас есть свои предпочтения в еде. Возможно, она была обеспокоена проблемой жира и холестерина. Но когда я огласил полное меню, она объявила себя вегетарианкой. Невероятно!

Бетани предложила поужинать в ресторане, но я, потратив столько времени на готовку, вовсе не хотел от нее отказываться. Короче, я съел все сам и Бетани с тех пор не видел.

Теперь вот – Розы. Впрочем, с ней все могло сложиться к лучшему: она уйдет, и моя жизнь вернется в привычное русло. Очевидно, Розы небрежно заполнила анкету, или это Джин промахнулся. Возможно, он выбрал ее из-за сексуальной привлекательности, пытаюсь навязать мне собственный вкус.

Розы вернулась на кухню и посмотрела на меня, словно ожидая ответа.

– Морепродукты подойдут, – сказала она. – Органические.

Я испытал смешанные чувства. Всегда приятно решить проблему, но сейчас это означало, что Роза все-таки останется на ужин. Я направился в ванную, Роза последовала за мной. Я достал лобстера из ванны, где он ползал в свое удовольствие.

- Блин, - вырвалось у Розы.

- Вы не любите лобстеров? - Я понес его на кухню.

- Люблю, но...

Все понятно, тут можно посочувствовать.

- Вас смущает процесс убийства. Понимаю.

Я положил лобстера в морозильник и объяснил Розе, что в свое время изучил все возможные способы умерщвления лобстеров, сочтя метод заморозки наиболее гуманным. Я даже дал ей ссылку на сайт.

Пока лобстер умирал, Роза продолжила обнюхивать мое жилище. Она открыла дверцу кладовки и, кажется, оценила увиденное: семь полок с продуктами на каждый день недели - плюс места для хранения алкоголя, сухих завтраков и прочих запасов. И опись содержимого, вывешенная на внутренней стороне двери.

- А не наведете ли порядок у меня, а?

- Хотите внедрить типовой рацион питания? - Несмотря на очевидные преимущества этой системы, многие считают ее странной.

- Достаточно будет разгрузить холодильник, - сказала она. - Берем все с полки для вторника?

Я заметил, что, поскольку сегодня вторник, догадаться несложно.

Она вручила мне листья нори^[11] - Японское название различных съедобных видов красных водорослей, которые используются для приготовления суши и

гарниров.] и хлопья бонито[12 - Хлопья бонито изготавливают из определенного вида тунца. Его кипятят, затем высушивают и растирают на маленькие и толстые хлопья.]. Я попросил достать с полки для прочих запасов масло макадамии, морскую соль и мельницу для перца.

- Да, и еще китайское рисовое вино, - добавил я. - В секции алкоголя.

- Ну где же еще, - сказала Роза.

Она передала мне вино, после чего стала изучать напитки. Я всегда покупаю вино в полубутылках.

- Выходит, вы каждый вторник готовите одну и ту же еду?

- Совершенно верно. - Я перечислил восемь главных преимуществ типового рациона питания.

1. Ни к чему собирать книги с рецептами.

2. Стандартный продуктовый набор - залог хорошего шопинга.

3. Никаких отходов - в холодильнике и кладовке только то, что нужно для того или иного блюда.

4. Диета заранее спланирована и сбалансирована по пищевой ценности.

5. Не надо тратить время, раздумывая, что бы такое приготовить.

6. Никаких ошибок и неприятных неожиданностей.

7. Отменное качество блюд, превосходящее уровень большинства ресторанов при гораздо меньшей стоимости (см. пункт 3).

8. Минимальная когнитивная нагрузка[13 - Количество мыслительной памяти, необходимой пользователю для достижения цели (психол.)].

- Когнитивная нагрузка?

- За процедуру готовки отвечает мозжечок, так что мыслительных усилий почти не требуется.

- Как езда на велосипеде?

- Совершенно верно.

- То есть вы можете приготовить лобстера, не задумываясь?

- Салат из лобстера, манго и авокадо с икрой летучей рыбы в соусе васаби, с гарниром из хрустящих водорослей и обжаренного лука-порея? Да, могу. А вот для разделки перепелов мне все еще требуются мыслительные усилия. Но я работаю и над этим.

Рози смеялась. Почему-то я вспомнил о школе. Хорошо тогда было.

Пока я доставал из холодильника то, что нужно для соуса, Роза положила в морозилку – к лобстеру – две полубутылки шабли.

- Наш ужин, кажется, замерз.

- Еще немного подождем, чтобы убедиться в его смерти, – сказал я. – К сожалению, Инцидент с Пиджаком нарушил график приготовления пищи. Придется все пересчитывать.

Тут до меня дошло, что лобстера надо было сунуть в морозилку сразу же. Но, видимо, мой мозг оказался перегружен проблемами, вызванными присутствием Розы. Я подошел к доске и стал наносить на нее новые параметры готовки. Роза тем временем разглядывала продукты.

- И вы собирались съесть все это в одиночку?

Я не пересматривал типовой рацион питания со времени отъезда Дафны в клинику. С тех пор на вторник остался салат из лобстера – я лишь убрал из

рациона вторника вино, чтобы исключить дополнительные калории.

- Да, это блюдо на двоих, - ответил я. - Просто рецепт нельзя пересчитать. Довольно затруднительно купить часть живого лобстера. - Последнюю реплику я преподнес в качестве легкой шутки, и Розы верно отреагировала, рассмеявшись. Мне снова стало хорошо.

- Если бы вы готовили ужин по графику, сколько сейчас времени было бы? - вдруг спросила Розы.

- Восемнадцать часов тридцать восемь минут.

Между тем часы на духовке показывали девятнадцать ноль девять. Розы отыскала приборную панель и начала регулировать время. Я догадался, к чему она клонит. Идеальное решение. Когда она завершила настройку, на часах было восемнадцать тридцать восемь. Никаких пересчетов не потребовалось.

- Вы создали новый часовой пояс, - поздравил я ее с удачной находкой. - Ужин будет готов ровно в двадцать часов пятьдесят пять минут по Розы.

- Так лучше, а то считать задолбаешься, - сказала она.

Вот и возможность вернуть еще один вопрос из анкеты.

- Математика трудна для вас?

- Сложнее нет, - засмеялась она. - Крыша от цифири едет.

Если ей не по зубам простейшая арифметика кассовых операций в баре, то осмысленный диалог между нами едва ли возможен.

- Где вы прячете штопор? - спросила она.

- В меню вторника вино не предусмотрено.

- На фиг такое меню, - сказала Розы.

В ее словах определенно была логика. Ведь мне предстояло съесть лишь одну порцию ужина. Похоже, это был последний шаг в сторону от расписания.

– Часы переведены, – объявил я. – Действовавшие до сих пор правила отменены. Настоящим алкоголь провозглашается обязательным в часовом поясе Розы.

8

Пока я возился с ужином, Розы сервировала стол. Не традиционный обеденный стол в гостиной, а самодельный столик, который она смастерила на балконе, положив лекционную доску с кухонной стены на два больших цветочных горшка. Перед тем Розы вынула из горшков засохшие растения. Скатертью послужила белая простыня, извлеченная из бельевого шкафа. Столовое серебро – подарок моих родителей, которым я никогда не пользовался, – и парадные бокалы тоже стали частью сервировки. Да она мне весь дом кверху дном поставила!

Прежде мне и в голову не приходило ужинать на балконе. Когда я появился с блюдом, вечерний дождь уже закончился. Температура, по моим прикидкам, – около двадцати двух градусов.

– А есть надо прямо сейчас? – спросила Розы. Станный вопрос. Несколько часов назад она говорила, что умирает от голода.

– Нет, блюдо не остынет. Оно изначально холодное. – Я и сам понимал, что выражаюсь неуклюже. – А есть какие-то причины повременить?

– Огни города. Вид отсюда потрясающий.

– К сожалению, он статичен. Однажды полюбовавшись, уже не тянет смотреть снова. Как с картинами.

– Да нет же, он меняется постоянно. Взять хотя бы раннее утро. Или когда идет дождь. Почему бы не выйти на балкон, просто чтобы посидеть?

У меня не было ответа, который мог бы удовлетворить ее. Я обратил внимание на вид с балкона, когда покупал квартиру. Не могу сказать, чтобы он менялся в зависимости от погоды и времени суток. А «просто сидеть» мне приходится, только когда я жду назначенной встречи или обдумываю какую-нибудь проблему. В этом случае пейзаж лишь отвлекает.

Я протиснулся к столику, занял место рядом с Розы и налил ей вина. Она улыбнулась. Похоже, Розы все-таки пользовалась губной помадой.

Я всегда пытаюсь приготовить стандартное блюдо по рецепту, но качество ингредиентов меняется каждую неделю. Сегодня оно – на небывалой высоте. Никогда еще салат из лобстера не выходил таким вкусным.

Я вспомнил ключевое правило общения с женщиной – внимательно слушать ее рассказы о себе. Розы уже заводила разговор о «трудных клиентах» в баре, так что я попросил ее развить эту тему – и был вознагражден: у нее нашлось немало веселых и захватывающих историй. Для себя я отметил некоторые приемы межличностных отношений – просто так, на будущее.

Мы покончили с лобстером. И тут Розы открыла свою сумочку и достала пачку сигарет! Как я могу передать свой ужас? Курение ведь не только вредно само по себе, оно чрезвычайно опасно для окружающих. Это самый яркий пример бессмысленного отношения к жизни. Неудивительно, что вопрос о курении стоял первым в моей анкете.

– Расслабьтесь. Мы же на улице. – Розы, должно быть, заметила мое состояние.

Спорить было бессмысленно: я уж точно не рассчитывал на повторную встречу с ней. Щелкнула зажигалка, и Розы поднесла ее к сигарете, зажатой в неестественно красных губах.

– Так или иначе, у меня к вам вопрос по генетике, – сказала она.

– Продолжайте. – Я вернулся в знакомый мне мир.

– Мне сказали, что вы можете определить, моногамен ли мужчина, по размеру его яичек.

Сексуальные аспекты биологии регулярно обсуждаются в популярной прессе. Так что ее слова были не так глупы, как могло показаться, хотя и основывались на типичном заблуждении. Я вдруг подумал, что, возможно, это завуалированный призыв к сексу, но решил не поддаваться на провокацию и ответить на вопрос буквально:

- Нелепое утверждение.

Рози, похоже, была очень довольна моим ответом.

- Вы прелесть, - сказала она. - Я только что выиграла пари.

Я углубился в подробности и заметил, как меркнет радость на лице Рози. Я догадался, что она слишком упрощенно понимала эту проблему, а мои научные объяснения совпадают с тем, что ей говорили до этого.

- Возможна некоторая корреляция на индивидуальном уровне, но это правило применимо к биологическому виду. Homo Sapiens в своей основе моногамен, но на практике не отличается верностью. Мужчины стараются осеменить как можно больше женщин, но способны прокормить только один комплект потомства. Женщина ищет для своих детей максимально качественные гены - и мужчину, который сможет обеспечить ее материально.

Я уже почувствовал себя в привычной роли лектора, когда Рози перебила меня:

- Так как там насчет яичек?

- Половые железы большего размера вырабатывают больше семени. Моногамному биологическому виду необходимо количество, достаточное для оплодотворения одной самки. Людям же необходим дополнительный объем в расчете на случайные связи и для противостояния сперме соперников.

- Как мило, - заметила Рози.

- Не совсем. Поведение мужской особи выработалось в далекие времена. Современный мир требует новых правил.

- Да, - согласилась Роза. - Вроде исполнения родительских обязанностей.

- Совершенно верно. Но инстинкты все-таки невероятно сильная вещь.

- Ага, рассказывайте.

- Инстинкт - это выражение...

- Спасибо, - сказала Роза. - Сама все это пережила. Моя мать занялась генным шопингом на выпускном вечере в медицинском колледже.

- Такое поведение бессознательно. Люди не преднамеренно...

- Я в курсе.

Не уверен. Непрофессионалы зачастую неверно трактуют открытия эволюционной психологии. Но история Розы меня заинтересовала.

- Вы хотите сказать, что ваша мать вступила в незащищенный секс, имея устойчивые отношения с другим партнером?

- Да, с одним студентом, - ответила Роза. - В то время как встречалась с моим...
- тут Роза подняла обе руки и дважды быстро согнула указательные и средние пальцы, - отцом. Мой настоящий отец - врач. Только я не знаю, кто именно. Реально бесит.

Заинтригованный ее жестикуляцией, я помолчал, пытаюсь расшифровать непонятный знак. Может, так она выражала сожаление о том, что не знает, кто ее отец? Если так, то я, пожалуй, впервые сталкивался с таким жестом. И почему она решила сделать так именно в этом месте? Хотя... ну конечно! Пунктуация!

- Кавычки, - выпалил я.

- Что?

– Вы взяли в кавычки слово «отец», акцентируя внимание на том, что его нельзя толковать в привычном смысле. Очень грамотно.

– А, вот вы о чем, – сказала она. – Я-то решила, что вы задумались об этой ничтожной проблемке моей гребаной жизни. И, может, скажете что-нибудь умное.

– Она вовсе не ничтожна! – поправил я ее и поднял вверх палец, изображая восклицательный знак. – Вы имеете право на полную информацию. – Я ткнул пальцем, обозначая точку. Получилось забавно.

– Моя мать погибла. В автокатастрофе, когда мне было десять лет. Она так никому и не сказала, кто мой отец... да же Филу.

– Филу? – Я не мог придумать, как мне обозначить знак вопроса, и решил прекратить игру. И вообще, не время экспериментировать.

– Моему, – снова жест из кавычек, – отцу. Который пришел бы в ужас, узнай он о том, что я интересуюсь этим вопросом.

Рози допила вино из бокала и налила снова. Вторая полубутылка опустела. История Розы, пусть и печальная, не была чем-то из ряда вон. Хотя мои родители продолжали поддерживать со мной контакт, я понимал, что они давно потеряли интерес ко мне. Свой родительский долг они сочли исполненным, когда я начал самостоятельно зарабатывать. Ситуация же Розы была несколько иной, поскольку в нее был вовлечен отчим. И я предложил ее генетическую интерпретацию:

– Его поведение вполне предсказуемо. У вас ведь нет его генов. Самцы львов убивают детенышей от предыдущих случек, когда становятся главой семьи.

– Спасибо за информацию.

– Я могу порекомендовать дополнительную литературу по этому вопросу, если вам интересно. Похоже, вы слишком умны для барменши.

– Прямо завалили комплиментами.

Похоже, я неплохо вел свою партию – и даже поделился этим ощущением с Розы:

– Вот и славно. Вообще-то я не силен в ухаживаниях. Столько правил нужно соблюдать на этих свиданиях.

– Справляетесь на отлично, – сказала она. – Разве что слишком явно пялитесь на мою грудь.

Этого я не ожидал. Платье Розы было довольно откровенным, но все это время я упорно старался смотреть ей в глаза.

– Я лишь изучал ваш кулон, – сказал я. – Он очень интересный.

– И что на нем? – Розы тут же накрыла его ладонью.

– Лик Изиды[14 - В египетской мифологии – богиня, олицетворяющая женственность и материнство.] и надпись: Sum omnia quae fuerunt suntque eruntque ego. «Я есть все, что было, есть и будет». – Я надеялся, что правильно прочитал латынь; шрифт был очень мелким.

Розы удивилась.

– А какой кулон был на мне сегодня утром?

– В форме кинжала. Три красных камушка и четыре белых.

Розы допила вино. Похоже, что она о чем-то задумалась. И, как тут же выяснилось, отнюдь не о серьезном:

– Может, еще бутылку?

Я слегка опешил. Мы уже выпили рекомендуемый максимум. С другой стороны, она курила, что свидетельствовало о беспечном отношении к своему здоровью.

– Хотите еще алкоголя?

– Совершенно верно, – произнесла она каким-то странным голосом. До меня вдруг дошло, что она копирует мои интонации.

Я пошел на кухню за бутылкой, решив в качестве компенсации ущерба сократить завтрашнюю норму потребления алкоголя. Мой взгляд упал на часы: двадцать три сорок. Я взял трубку и заказал такси – рассудив, что, если повезет, оно прибудет до того, как начнет действовать ночной тариф. Я открыл полубутылку шираза, чтобы мы скоротали ожидание.

– Как вы думаете, существует какая-то генетическая обусловленность? – Роза захотела продолжить разговор о своем биологическом отце. – Ну, типа врожденного желания узнать, кто твои родители?

– Для родителей очень важно распознать собственного ребенка. Только тогда они могут защитить носителя своих генов. А маленьким детям необходимо умение узнавать своих родителей, чтобы получить такую защиту.

– Значит, это – своего рода пережиток из детства.

– Маловероятно. Но возможно. Наше поведение во многом определяется инстинктами.

– Это вы так считаете. Как бы то ни было, меня эта мысль жрет. Занозой сидит в башке.

– Почему же не расспросить тех, о ком думаете?

– «Милый доктор, вы мой отец?» Не уверена, что это прокатит.

Мне в голову пришла очевидная мысль. Очевидная, поскольку я генетик:

– У вас очень необычный цвет волос. Возможно...

Она рассмеялась:

– Этот оттенок рыжего не имеет никакого отношения к генам.

Должно быть, она заметила мое замешательство.

– Такой цвет получается только из баночки.

До меня наконец дошло. Она нарочно покрасила волосы в неестественно яркий цвет. Невероятно. Как это я не додумался включить в свою анкету вопрос о крашенных волосах? Я сделал мысленную пометку исправить эту оплошность.

Раздался звонок в дверь. Я ничего не сказал ей о такси, так что теперь пришлось спешно посвятить ее в свой план. Она быстро допила вино, после чего протянула мне руку. Мне показалось, что смутился не только я.

– Что ж, – сказала она, – вечер удался. Хорошей жизни.

Нестандартное пожелание спокойной ночи. Я решил, что лучше придерживаться традиции:

– Доброй ночи. Этот вечер доставил мне огромное удовольствие. Удачи вам в поиске отца.

– Спасибо.

И ушла.

Меня переполняло изнутри – что-то вроде эмоциональной перегрузки в хорошем смысле. К счастью, в бутылке оставалось вино. Налив бокал, я позвонил Джину. Трубку сняла Клодия, и я обошелся без любезностей:

– Мне надо поговорить с Джином.

– Его нет дома, – сказала Клодия. Ее голос показался мне каким-то отрешенным. Возможно, она выпила. – Я думала, он с тобой, ест лобстера.

– Джин подсунул мне совершенно неподходящую кандидатуру. Работает в баре. Опаздывает. Вегетарианка. Неорганизованная, неразумная, не заботится о здоровье, курит – курит! – имеет психологические проблемы, готовить не умеет, в математике ни бум-бум, волосы красит. Полагаю, Джин просто посмеялся надо

мной.

Клодия, должно быть, оценила это как сигнал бедствия, потому что спросила:

– С тобой все в порядке, Дон?

– Конечно, – ответил я. – Она очень забавная. Но совершенно не годится на роль жены.

Когда я произнес эти слова – бесспорно, справедливые, – меня почему-то кольнуло сожаление. Намечавшийся конфликт ощущений прервала Клодия:

– Дон, ты в курсе, который час?

Наручных часов у меня не было. Я понял свою ошибку. Заказывая такси, я ориентировался по кухонным часам. Тем самым, которые переустановила Роза. Судя по всему, сейчас было два часа тридцать минут. Как же так вышло, что я потерял счет времени? Вот он, жестокий урок сбитого графика. Роза пришлось расплачиваться с таксистом по ночному тарифу.

Я распрощался с Клодией, отпустив ее ко сну. Взяв со стола две тарелки и два бокала, чтобы отнести их на кухню, я задержался взглядом на пейзаже ночного города. Этот вид был для меня открытием, хотя его можно было наблюдать каждую ночь.

Я решил пропустить привычную тренировку по айкидо перед сном. И оставить на месте самодельный столик.

9

– Я вбросил ее, как джокера в игру, – сказал Джин, когда утром я растолкал его, спящего вне расписания за столом в рабочем кабинете.

Джин выглядел ужасно, и я посоветовал ему впредь не засиживаться допоздна – хотя впервые и сам допустил подобную ошибку. Теперь важно вовремя пообедать, чтобы восстановить биологический ритм. У Джина с собой был домашний ланч, и мы направились в зону отдыха университетского городка. По пути я прихватил в японском кафе салат из водорослей, мисо-суп и яблоко.

Был погожий день. К сожалению, это означало, что на лужайке уже сидели или прогуливались, отвлекая Джина, молоденькие девицы в весьма нескромных одеждах. Джину пятьдесят шесть лет, но раскрывать эту информацию не рекомендуется. В таком возрасте его тестостерону следовало бы упасть до уровня, при котором сексуальное влечение стремится к нулю. По моей теории, его повышенный интерес к сексу обусловлен силой привычки. Но физиология у всех разная, и, возможно, он – исключение из правила.

Между тем Джин полагает, что у меня исключительно низкий уровень влечения. Это неверно. Просто я в отличие от Джина не обладаю соответствующими навыками самовыражения, а мои эпизодические попытки подражания Джину всякий раз оказываются крайне неудачными.

Мы отыскивали свободную лавочку, и Джин приступил к объяснениям.

– Прежде всего я ее знаю, – сказал он.

– Выходит, ты обошелся без вопросника?

– Никаких вопросников.

Это объясняло, почему она курит. Да что говорить: это объясняло все. Джин обратился к самой неэффективной практике – поиску из тех, кто ему знаком.

– Ты просто теряешь время со своим вопросником. – Похоже, Джин заметил мое раздражение. – Лучше бы оценивал их по мочкам ушей.

Сексуальная привлекательность – это, безусловно, та область, в которой Джин силен.

– А что, есть какая-то связь? – спросил я.

– Люди с длинными мочками с большой вероятностью выбирают партнеров с длинными мочками. Эта примета надежнее, чем IQ.

Невероятно! Впрочем, в контексте современного мира многое из древних наблюдений кажется невероятным. За эволюцией не угнаться. Но мочки ушей... Можно ли придумать более иррациональную основу для отношений? Неудивительно, что браки распадаются.

– Ну и как, ты хоть повеселился? – спросил Джин.

Я сказал ему, что вопрос неуместен. Моя цель – найти жену, а Роза на эту роль явно не годилась. Джин вынудил меня потратить впустую целый вечер.

– Но ты повеселился? – повторил он.

Неужели он рассчитывал получить другой ответ на тот же самый вопрос? Честно говоря, я вообще не знал, что сказать, и на то были причины. Я не успел обдумать вчерашний вечер. И в любом случае слово «веселье» никак не подходило для того, чтобы передать мои ощущения от пережитого накануне. Слишком простое слово для столь многогранного опыта.

Я представил Джину краткий отчет о событиях. Когда я подошел к ужину на балконе, Джин перебил меня:

– Если увидишься с ней еще раз...

– Нет никаких причин, которые побудили бы меня к новой встрече.

– Если увидишься с ней еще раз, – продолжил Джин, – лучше, наверное, не упоминать проект «Жена». Она ведь все равно не подходит.

Если не считать неверного предположения, связанного со следующим свиданием с Розой, остальное выглядело хорошим советом.

В этот момент наш разговор резко ушел в сторону, и я даже не успел спросить у Джина, как он познакомился с Розой. Причиной столь резкой перемены темы стал сэндвич Джина. Он заглотнул кусок и тут же завопил, схватив мою бутылку с

водой:

– Бли-и-и-ин! Клодия положила... в сэндвич... острый перец! Бли-и-и-и-и-ин!

Трудно было понять, как Клодия могла допустить такую ошибку; но в первую очередь следовало спасать Джина. Стручковый перец не растворяется в воде, так что пить из моей бутылки – дело бесполезное. Я предложил найти какое-нибудь масло, и мы поспешили обратно в японское кафе. Так что продолжить разговор о Розе нам уже не удалось. Однако я получил необходимую информацию. Джин выбрал эту женщину в обход вопросника. Новая встреча с ней полностью противоречила логике проекта «Жена».

По дороге домой я вновь обдумал то, что произошло вчера. И в итоге нашлись по крайней мере три причины для новой – и необходимой – встречи с Розой.

* * *

Для чистоты эксперимента требуется контрольная группа. Было бы интересно использовать Розу как некую опорную точку для оценки женщин, отобранных вопросником.

Вопросник пока не предоставил мне подходящих кандидатур для свиданий. В процессе ожидания я мог бы пообщаться с Розой.

Я – генетик, имею доступ к анализам ДНК и знаю, как их обрабатывать. В этом качестве я мог бы помочь Розе найти ее биологического отца.

* * *

Причины 1 и 2 были нелогичными: Роза определенно не тянула на роль спутницы жизни – соответственно смысл общения с ней терялся полностью. Но причина 3 заслуживала внимания. Мои навыки помогут Розе найти необходимое. Я мог бы заняться этим во время, отведенное для проекта «Жена», пока не найдется подходящая женщина.

Но для этого нужно было восстановить контакт с Розы. Я не стал говорить Джину, что планирую встречу с ней, – ведь я только что заявил об обратном. К счастью, я вспомнил название бара, в котором она работала: «Маркиз Куинсберри».

Был только один бар с таким названием, и находился он в закоулках ближнего пригорода. Я скорректировал расписание и отменил поездку за продуктами, чтобы восполнить недосып. Вместо свежего пришлось купить готовый ужин. Иногда меня обвиняют в том, что я негибок. Но тут мы видим как раз обратное: я умею приспособиться к непредвиденному.

Я приехал к бару в девятнадцать часов четыре минуты – только для того, чтобы узнать, что он открывается в двадцать один час. С ума сойти. Неудивительно, что люди допускают столько ошибок на работе. Вы только представьте хирургов и авиадиспетчеров, которые выпивают всю ночь напролет, а потом выходят на работу.

Я поужинал в индийском ресторанчике по соседству и вернулся к бару. Двадцать один двадцать семь. При входе стоял охранник, и я приготовился к повторению вчерашнего ритуала. Он внимательно оглядел меня, после чего спросил:

– Вы в курсе, что это за заведение?

С барами я знаком, наверное, даже больше, чем с людьми. Когда я выезжаю на научные конференции, то всегда нахожу по соседству с отелем приятный бар, где по вечерам выпиваю и ужинаю. Я ответил «да» и вошел.

Сразу возник вопрос, туда ли я попал. Самой очевидной характеристикой Розы было то, что она женщина, – а в баре «Маркиз Куинсберри» я увидел только мужчин. Многие из них – в необычной одежде. Несколько минут я осматривал присутствующих. Двое перехватили мой взгляд, один из них широко улыбнулся мне и кивнул. Я улыбнулся в ответ. Местечко казалось вполне дружелюбным.

Но я все-таки пришел, чтобы найти Розы, – а потому направился напрямик к барной стойке. Двое последовали за мной и расселись по бокам. Один из них, чисто выбритый, был в укороченной футболке и явно проводил много времени в спортзале; впрочем, без стероидов тут не обошлось. Его усатый компаньон носил кожаный костюм и черную кепку.

- Что-то я тебя раньше здесь не видел, - сказал Черная Кепка.

Я предоставил ему простое объяснение:

- Потому что я здесь впервые.

- Можно ли угостить тебя выпивкой?

- Вы предлагаете купить мне выпивку? - это было необычное предложение от незнакомца, и я догадался, что от меня ждут ответного жеста.

- Именно, - ответил Черная Кепка. - Чем тебя можно соблазнить?

Я сказал, что вкус не имеет значения - главное, чтобы был алкоголь. Как всегда в ситуациях, предполагающих общение, я нервничал.

Наконец из другого угла бара появилась Роза в черной рубашке с воротником, как и положено барменше. Я испытал невероятное облегчение. Значит, я не ошибся с баром и попал в ее смену. Черная Кепка помахал ей рукой и заказал три «будвайзера». И тут Роза увидела меня.

- Дон?

- Здравствуйте.

Роза оглядела нашу троицу и спросила:

- А вы что, вместе?

- Оставь нас на несколько минут, - сказал Стероидный.

- Думаю, Дон пришел ко мне, - заметила Роза.

- Совершенно верно.

– Ну извини, что мы тут встречаем со своими заказами, отвлекаем тебя от личной жизни, – сказал Черная Кепка.

– Вы могли бы воспользоваться анализом ДНК, – прервал я их диалог.

– Что? – оказавшись вне контекста, Роза, похоже, ничего не поняла.

– Ну, чтобы опознать отца. ДНК – это очевидный подход.

– Ага, – согласилась Роза. – «Пожалуйста, пришлите мне свой образец ДНК, чтобы я проверила, не мой ли вы отец». Забудьте, это я просто к слову сказала.

– Вы могли бы сами собрать образцы. – Я не был уверен в том, как Роза отреагирует на мое следующее предложение. – Тайком.

Роза замолчала. По крайней мере, она обдумывала мою идею. Или размышляла, стоит ли донести на меня.

– А кто будет проводить анализ? – Ее вопрос показал, что правильным был первый вариант.

– Я же генетик.

– Вы хотите сказать, что если я добуду образец, вы сможете провести для меня анализ?

– Легко, – ответил я. – Сколько образцов нам надо?

– Возможно, лишь один. У меня есть кое-какие соображения. Этот человек – друг семьи.

Стероидный громко кашлянул, и Роза достала два пива из холодильника. Черная Кепка положил на прилавок двадцатидолларовую банкноту, но Роза вернула ему деньги и жестом прогнала парней.

Я тоже попытался проделать фокус с кашлем. Розы не сразу расшифровала этот знак, но все-таки подала мне пиво.

- И что вам надо для ДНК-теста?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Синдром Аспергера – легкая форма высокофункционального аутизма, при которой относительно сохраняется способность к социализации.

2

Страдающий синдромом Аспергера (сокр.).

3

Дафна, она же волчегодник, – кустарник, растение семейства волчниковых. Латинское наименование – *Daphne*.

4

Креационизм – теологическая и мировоззренческая концепция, согласно которой основные формы органического мира (жизнь), человечество, Земля, а также Вселенная в целом рассматриваются как непосредственное создание Творца или Бога.

5

В социологии и психологии – шкала для измерения силы установки по отношению к чему-либо; представляет собой градацию степени согласия или несогласия с каким-либо утверждением относительно этого объекта.

6

Веганы – строгие вегетарианцы, исключаящие из своего рациона все продукты животного происхождения, включая мясо, рыбу, яйца, молоко, молочные продукты и иногда мед.

7

В английском языке слово jacket обозначает и пиджак, и куртку.

8

Дуглас Роберт Хофштадтер (род. 1945) – американский физик и информатик; получил известность благодаря книге «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда», опубликованной в 1979 году. В 1980 году книга получила Пулитцеровскую премию.

9

Подкаст – цифровая запись радио- или телепрограммы, которую можно скачать из Интернета.

10

Японское сладкое рисовое вино.

11

Японское название различных съедобных видов красных водорослей, которые используются для приготовления суши и гарниров.

12

Хлопья бонито изготавливают из определенного вида тунца. Его кипятят, затем высушивают и растирают на маленькие и толстые хлопья.

13

Количество мыслительной памяти, необходимой пользователю для достижения цели (психол.).

14

В египетской мифологии – богиня, олицетворяющая женственность и материнство.

Купить: https://tellnovel.com/ru/simsion_grem/proekt-rozi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)